

ОЛЬГА ГУСЕЙНОВА

ОБОРОТНИ
КЛАНА МОРРУА

Ольга Гусейнова

Оборотни клана Морруа

«Автор»

2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Гусейнова О. В.

Оборотни клана Морруа / О. В. Гусейнова — «Автор», 2021

ISBN 978-5-17-138358-9

Они бесстрашны, неуязвимы, коварны и бессмертны. Про них пишут сказки и слагают жуткие легенды. Говорят, если встретишься с кем-то из них – умрешь, ведь они не ведают пощады, не испытывают жалости. Но у судьбы свои причуды, и может так случиться, что даже у самого страшного монстра окажется доброе сердце, а ты его истинная пара. Так кто же они? Звери? Нет, оборотни клана Морруа!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-138358-9

© Гусейнова О. В., 2021
© Автор, 2021

Содержание

Часть первая. Согрей мою душу	6
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	28
Глава 6	31
Глава 7	36
Глава 8	43
Глава 9	46
Глава 10	51
Эпилог	56
Часть вторая. Под защитой твоей нежности	58
Глава 1	58
Глава 2	62
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Ольга Гусейнова

Оборотни клана Морруа

© Ольга Гусейнова, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Часть первая. Согрей мою душу

Глава 1

– Лисовская, подъем! К генеральному быстро!

Я резко подскочила от испуга и подозрительно вперилась в начальника финансового отдела – невысокого плотного мужчину сорока с лишним лет, – явно решившего воспользоваться отсутствием моего непосредственного руководителя. Почему бы лишний раз не утвердиться в чувстве собственной значимости?

– Вениамин Алексеевич, вы так до инфаркта доведете! – возмутилась я и перешла к делу: – Хотелось бы знать, почему это меня, а не начальника экономического отдела, вызывают, неужели в должности повысить решили?

Одновременно я старалась успокоить грохочущее сердце. Что-то в последнее время сама не своя стала, нервная и злая. Начфин Вениамин, называемый так за глаза с чьей-то легкой руки, с интересом взглянул на меня и сказал, ехидно улыбаясь:

– Милана Игоревна, а может, он тоже заметил вашу новую грудь?

Я сжала зубы от злости, но, не подавая виду, в отместку намекнула на его недавно пересаженные волосы на макушке:

– Ну что вы, Вениамин Алексеевич, ничего нового во мне нет, все натуральное, свое, в отличие от некоторых.

Он тоже не остался в долгу:

– Да что вы, Миланочка Игоревна! Три года незаметно было, а теперь – вон какая аппетитная стали. Зачем же вы столько времени скрывали?

Не обращая внимания на его гаденькую ухмылочку, ответила «под дурочку»:

– Ой, да просто домкрат в машине сменила, вот теперь и не скрываю. Может, вам производителя и модель подсказать, глядишь, и вам для чего-нибудь пригодится.

Я в упор смотрела на начфина, намекая на похождения его гламурной супруги, в курсе которых вся фирма и которые бывшая модель ни от кого не скрывает. Да, судя по бледному виду «рогатого супруга», я наступила ему на самую больную мозоль, но ведь сам достал меня основательно за последнее время.

– Знаете, Лисовская, вы хоть и выглядите, как моя старшая дочь, не старше пятнадцати, но язык у вас – не на ваши двадцать пять, а на все сорок. Ну да ладно, я не злопамятный, вас Жданов вызвал сообщить приятную новость. Вы едете с начальством в Германию на выставку вместо Розовской. Она отдыхать отправляется, а вы, как всегда, за нее пахать будете, – высказался и с чувством выполненного долга удалился, не забыв ущипнуть нашу секретаршу Вику за многострадальный зад.

Пришлось мне все остальные колкости проглотить и направиться в кабинет к генеральному. Работаю здесь, в крупной строительной компании, четвертый год, но своего положения – должности старшего экономиста – добилась исключительно личными достижениями в области экономического планирования и прогнозирования, за что меня и ценят. Хотя, когда четыре года назад я пришла сюда на собеседование, не только не хотели брать на работу, а еще и высмеяли. Только благодаря протекции моего отчима удалось получить здесь место. И все из-за моей внешности.

* * *

Мне двадцать четыре с половиной, но совсем недавно я выглядела лет на тринадцать, начфин прав. И только последние полгода начали происходить долгожданные изменения. У меня наконец-то появилась попа и грудь – и теперь выгляжу на шестнадцать. Я бы рассмеялась в лицо любому, кто скажет, как это замечательно – молодо выглядеть и везет же некоторым. Мои родители потратили уйму времени и денег, чтобы выяснить, почему мое физическое развитие настолько запаздывает и не соответствует умственному. К сожалению, им не удалось узнать: врачи только разводили руками.

Приходится все время носить с собой паспорт, чтобы доказывать, что я уже большая девочка и имею право водить машину, покупать имущество, ходить в ночные клубы и пить алкоголь. Хотя последнее не входит в список моих пристрастий. Да и в клубы я практически не хожу, особенно после того, как в последний раз в одном из них на меня запал педофил. С трудом отбилась. Но зато как ту скотину отметелила охрана! Любо-дорого смотреть было.

Каждый день в зеркале я вижу невысокую худенькую девочку с черными гладкими струящимися волосами до талии, длинноногую. Но теперь она неумовимо меняется: нескладный подросток, с малюсенькой грудью и чистой, молочного цвета кожей, стал больше походить на юную девушку, а не подростка, фигурка округлилась. Черты лица у меня приятные, даже утонченные: большие серые глаза, черные дугообразные брови, прямой аристократичный нос и пухлые розовые губы. До сих пор со мной знакомятся пацаны, а не мужчины. Впрочем, и желания как такового я не испытываю, гормоны еще спят. Вот такая фригидная и инфантильная проза жизни.

У меня до сих пор нет месячных и парня тоже нет и никогда не было. Какому нормальному молодому человеку, моему ровеснику, интересно дружить с девушкой, которая выглядит, как тщедушная девочка-подросток? Особенно меня это напрягало в университете. Жила словно изгой, в ловушке собственного тела, зато очень хорошо и прилежно училась. Закончила спецшколу с углубленным изучением иностранных языков, затем МГУ. Потом мне потребовалось всего три года, чтобы дорасти до старшего экономиста и получить признание и уважение коллег.

К генеральному я шла в надежде отбрыкаться от этой поездки. Что поделать – терпеть не могу большие толпы народа. Возле приемной вдруг почувствовала, как внутри у меня сжалась в тугой комок пружина предчувствия, даже остановилась от неожиданности. Неужели эта нужда – моя! Я уже перестала верить и ждать. По большому счету никогда и не верила, что могу почувствовать «нужду во мне». Ведь я недоросль, как часто смеялся мой брат Кирилл. За всплывшим в моей голове образом брата последовали мамин и Витин, сердце затопила тупая, никак не проходящая боль воспоминаний. Прошло три года, а легче не становится...

Мой отец погиб, когда мне не исполнилось и года. Вообще, его смерть осталась загадкой для моей матери. Она почему-то была твердо уверена, что нет такой причины, из-за которой ее любимый не вернулся бы домой, будучи живым. Их брак не был официальным, но для мамы мой отец навсегда остался самым лучшим мужчиной на свете. Она ждала его восемь лет, а потом познакомилась с Виктором; и тот взял ее штурмом – уже через пару недель уговорил выйти за него замуж. С отчимом нам повезло: он оказался дипломатом, и наша жизнь потекла плавно и размеренно. Он ни в чем нам не отказывал, баловал и любил всеми фибрами своей широкой души. Мне достался самый лучший папа, а маме – самый лучший муж на свете. Мы объездили полмира, общались со многими людьми, наш дом напоминал отель из-за постоянно гостивших друзей и знакомых.

Но все когда-нибудь меняется, и мой мир изменился в тот день, когда разбился самолет, на котором из Италии возвращались мама, отчим и младший брат Кирилл. Уже три года я

живу в нашей огромной, пустой и гулкой квартире одна. Никому не нужная, ущербная женщина-подросток. Я хорошо зарабатываю, но мне практически некуда и не на кого тратить, – это не приносит счастья. Две студенческие подруги обзавелись семьями и детьми, и мне практически не о чем с ними поговорить, да и не хочется, потому что завидно.

Первой на мою интуицию обратила внимание мама, потом одноклассницы, но особенно ярко она проявилась в университете. Я так и не определилась с границами своего дара, но всегда чувствовала, когда и кому нужно что-то сделать или куда-то попасть, чтобы удовлетворить свою нужду в чем-то или ком-то. Особенно это касалось людских отношений. Очень скоро в университете меня стали звать свахой. Я стопроцентно определяла двух подходящих, а главное – нуждающихся друг в друге людей. И вот сейчас, у дверей приемной нашего директора, замерла, внимательно и недоверчиво прислушиваясь к себе самой...

Приняв окончательное решение, я резко открыла дверь в приемную.

* * *

Стараясь не встречаться ни с кем глазами, я шла к лифту отеля, в котором мы остановились и где сейчас проходит очень важная для нашей компании конференция. Я очень устала сегодня. Впрочем, трехдневная поездка в Берлин в целом не принесла мне лично ничего хорошего или интересного – сплошная головная боль и разочарование.

Вестибюль отеля, где проходила международная выставка, поражает не только размерами, но и количеством участников, прибывших сюда как и мы послушать других, рассказать о себе и получить возможность заключить выгодные контракты или партнерские соглашения. Пришлось стоять в очереди к лифту, чтобы подняться на четвертый этаж в свой номер. Усталость накатила новой волной головной боли, заставляя ссутулиться и сцепить зубы. А ведь летела сюда в приподнятом настроении, предвкушая; можно сказать, с бабочками в животе. Причем согласилась добровольно, без всяких условий. В сущности, сама напросилась. Зачем?

Я вновь остро почувствовала свою нужду, от чего заныла не только голова, но и грудь. Нервно потеряла вспотевшие ладони. Мне все надоело: разряженные женщины в поисках кошелька потолще; мужчины, пытающиеся казаться всесильными пупами земли, и все их бессмысленные пафосные игры. Торчу здесь уже третий день, неотлучно находясь рядом с двумя начальниками, и, кажется, начала потихоньку сходить с ума от бесконечной суеты. Наша строительная компания здесь в поиске новых инвесторов и, возможно, крупных клиентов. Я три дня рассчитывала, консультировала и сегодня от усталости плохо соображала.

К счастью, выставка закончилась и завтра утром я вернусь домой, в Москву. Я уже мысленно собирала чемодан, когда открылись двери лифта, оттуда вышли трое мужчин и направились к выходу из отеля. Люди перед ними расступались, словно льды перед ледоколом, но они, не обращая ни на кого внимания, темной машиной плавно «рассекали волны».

Меня буквально затолкали в лифт, и я наблюдала за широкими спинами выразительной троицы, пока кабина заполнялась людьми. За пару секунд до закрытия дверей я заметила, как самый высокий и мощный из темного трио резко обернулся и, замерев на долю секунды, кинулся обратно к лифту. Я толком не смогла рассмотреть их лица, потому что мне все время мешали чужие спины, а он не успел заскочить в лифт – двери закрылись, и кабина мягко двинулась вверх. Мне повезло: четвертый этаж оказался первой остановкой. Уже возле своего номера я услышала, как по лестнице кто-то пробежал наверх, но через секунду с лестничной площадки, не заметив меня, по коридору к лифту направился один из троицы. Высокий смуглолицый брюнет, скорее всего француз. Если бы не жуткое хищное выражение лица, его можно было бы назвать красивым.

Аккуратно, беззвучно прикрыв дверь, чтобы не обнаружили мое любопытство, я наконец осталась в одиночестве. Тишина и покой! Но вдруг услышала тихий шорох возле двери. Затаив

дыхание, осторожно отступила от нее на пару шагов. И вдруг почувствовала, как взорвалась моя нужда, тысячами осколков впиваясь во внутренности. Но если это «он», почему я ничего не почувствовала, когда смотрела на него в коридоре и возле лифта? Мужчина вызывал у меня только страх, даже больше того – ужас! Нет! Я не хочу! Услышав, как тот, кто был за дверью, тихонько удалился, я кинулась собирать вещи. Не останусь в этом отеле ни секунды лишней; в конце концов, можно и в аэропорту переждать ночь. До утра осталось всего ничего.

Глава 2

Москва встретила меня привычной суетой аэропорта и приятным, ни с чем не сравнимым ощущением дома. Было такое чувство, словно я оторвалась от погони, избежав какой-то опасности. На работу, конечно, в этот день не пошла, предпочтя наконец-то выспаться, пробежаться до ближайшего супермаркета и со вкусом посидеть в кресле перед телевизором. На следующий день странный случай в гостинице показался мне совсем незначительным. Да мало ли зачем бегали по коридорам те мужчины, да и вообще на секьюрити слишком похожи, работа у них такая, а я себя, как обычно, накрутила от усталости и недосыпа.

– Ой, Милана, как я рада тебя видеть! – искренне порадовалась мне на следующий день секретарша Вика, которой я не забыла купить подарок в д ьютти-фри, и посочувствовала: – Укатали тебя наши боссы, наверное. Вон какая худенькая, бледненькая, я тебе сейчас кофе с печенюшками организую, а ты мне расскажешь, что интересного видела, кого встретила.

Вика моложе меня на два года, но относится ко мне как к младшей сестре, а не к малолетней пигалице-выскочке, как большинство сотрудников офиса.

Я честно призналась:

– Рассказывать особенно не о чем. Три беспросветных дня, работы было столько, что еле до кровати доползала, а когда все наконец-то закончилось, даже на фуршет не осталась, сбежала с конференции, быстренько побросала вещи в сумку и рванула в аэропорт.

– Вот и славно! – возле нас визуализировался начфин с папкой, которую тут же вручил мне с кривой усмешкой: – Предлагаю вам отдохнуть с расчетами по этому крутому объекту.

Вика за спиной гордо удалившегося Вениамина Алексеевича выразительно закатила глаза, а я, притворно вздохнув, чтобы он порадовался своей шутке, отправилась работать.

Тупо пялясь в экран компьютера, я размышляла о том, что за странные вещи со мной происходят. Месяц назад вернулась из Берлина – и понеслось! Я начала видеть эротические сны и, просыпаясь, весь день ходила неудовлетворенная, чтобы с приходом ночи опять погружаться в смущавшие меня сны, которые не приносят облегчения и покоя. Но самое интересное продолжает твориться с моим телом. Оно буквально на глазах расцветает, одновременно радуя и пугая.

И вот, спустя столько лет ожиданий, у меня начались первые критические дни. Я с таким диким восторгом выбирала себе прокладки, что продавщица в магазине заподозрила меня в невменяемости. Но ей не понять, что эти прокладки для меня означают. Я – как все! Наконец-то стала взрослой и мое тело это «осознало», посылая мучающие и бередящие душу сны. За четыре года я ни разу не брала отпуск. Видимо, настало время отдохнуть и принять жизненно важные решения. Ну что ж, на данный момент Французская Полинезия – самое заманчивое место для меня. Вперед и только вперед!

* * *

Развалившись в шезлонге, я лениво сквозь очки наблюдала за другими отдыхающими. Перелет был длительным и утомительным, поэтому вставать, чтобы хотя бы искупаться, не хотелось. Меня хватило только на лежание в купальнике, вот и наслаждалась отдыхом и запахом моря, вслушиваясь в окружающие звуки, да рассеянно наблюдала за такими же, как сама, и обслуживающим персоналом.

Поправив купальник на груди еще раз, сделала себе заметку срочно купить новый, потому что этот еле-еле прикрывает мою вдруг выросшую до второго размера грудь. Снова оглядевшись, заметила, что на меня с соседнего шезлонга в упор смотрит красивая девушка, наверняка оценив мою возню со сползающим и оголяющим слишком много верхом купальника.

Увидев, что я отметила ее интерес, красавица приветливо улыбнулась и поздоровалась со мной на английском. Благодаря стараниям моего отчима и преподавателей в школе и в университете, английский я знаю в совершенстве, так же как и французский. Поэтому сразу определила, что девушка, скорее всего, англичанка.

– Доброе утро! Я смотрю, вы давно на море не были. Знаете, на территории отеля есть хороший бутик с пляжной одеждой. Ой, извините, я вас не отвлекаю? – спохватилась она и, по-прежнему мило улыбаясь, посмотрела на меня.

Я немного стеснялась, но, вспомнив о желании начать новую жизнь и перестать прятаться от людей, искренне улыбнулась ей, поощряя знакомство. В конце концов, я здесь совершенно одна и, чувствую, скоро взвою от скуки. Еще раз внимательно на нее посмотрев и решив, что эта милая шатенка с короткой стрижкой «каре» и добрыми шоколадными глазами вряд ли испортит мне отдых, ответила:

– Доброе утро, мисс, на море я действительно давно не была, да к тому же из старого купальника выросла, причем самым неожиданным образом. – Снова взглянув в ее понимающие глаза, смутилась. – Спасибо за совет, непременно сегодня же схожу туда, чтобы не позориться. Вот прямо сейчас.

Она взглянула на меня чуть пристальнее и мягко успокоила:

– Не переживайте, посмотрите вокруг, здесь так многие носят, просто я заметила, что беспокоитесь по этому поводу конкретно вы. Я тут отдыхаю с семьей, мне откровенно скучно и нечем заняться. Если вы не против, с удовольствием схожу с вами в магазин, заодно и себе что-нибудь посмотрю.

Я обрадовалась и с готовностью вскочила на ноги. Надела легкое платье на купальник, и мы направились в бутик.

– Кстати, я Изабель Макгрант, здесь отдыхаю с мужем Коннором и его кузеном Николасом Макгрантом, – представилась незнакомка, пояснив: – Мы принадлежим к старому шотландскому клану, который возглавляет отец Коннора.

– Милана Лисовская. Из Москвы.

Я с восторгом смотрела на новую знакомую и не могла поверить, что вот так запросто разговариваю с шотландской аристократкой в энном колене. Потом я купила пару новых купальников, парео, пляжную обувь... ну и еще много всякой всячины, которой заняла обе руки. Но в душе пела от радости и удовольствия: день начался необыкновенно прекрасно!

Мы с Изабель, нисколько не отстававшей от меня по части покупок, отнесли обновки по номерам, заодно выяснив, кто где живет, и вернулись на пляж. Моя апатия растаяла как прошлогодний снег, я была полна сил и жаждала чем-нибудь заняться. Поэтому, недолго думая, приняла предложение Изабель поплавать и наслаждалась каждой секундой в ласковой теплой прозрачной воде. Как же давно мне не было так хорошо! Но к глазам подступили слезы, поэтому, нырнув с головой, поплыла к буйкам. Вынырнув и отфыркавшись, я увидела рядом с собой Изабель. Она напряженно посмотрела на меня:

– Милана, с тобой все в порядке?

Я улыбнулась и, доплыв до камня и ухватившись за него руками, рассказала о причине расстройства:

– Вспомнила, как четыре года назад отдыхала на море со своей семьей. Было хорошо и весело. Мы с братом дурачились от души. Представляешь, он младше меня на десять лет, а нас все принимали за погодков. Десятилетний мальчишка и двадцатилетняя девушка, а выглядели ровесниками. Три года назад они погибли в авиакатастрофе. Я осталась одна.

Изабель сочувственно прикоснулась к моей руке, но все-таки спросила заинтересованно:

– В какой клан входит твоя семья?

Я непонимающе уставилась на нее, а потом рассмеялась:

– Нет, Изабель, в России нет кланов, как в Шотландии. Да если бы и были, то... Понимаешь, мы с Кириллом родные по матери, а отцы у нас разные. Хотя отца лучше Виктора не найти во всем мире. Он самый хороший человек на свете. А мой родной отец исчез, когда мне не было еще и года. Но мама сказала, что он умер, раз не вернулся домой. Почему-то она в это свято верила. Но я его не помню и не знаю, где его семья и была ли она у него. Меня воспитывал Виктор, и его я считаю отцом.

Она снова очень пристально посмотрела на меня, а потом осторожно спросила:

– Значит, он хороший че-ло-век?

Я удивленно посмотрела на нее, не понимая, почему она так странно выделила последнее слово, и тоже спросила:

– Ну да! Я, конечно, понимаю, что сейчас хороших людей мало, тем не менее нам с мамой повезло встретить одного из них. Ничего удивительного, ведь моя мама тоже хороший человек, и я очень рада, что ей повезло с настоящим мужчиной спустя восемь лет после смерти отца. Бабушка с дедушкой на старости лет успели порадоваться второму внуку. Правда, недолго, десять лет назад один за другим умерли.

Изабель как-то странно посмотрела на меня и спросила:

– Скажи, Милана, а как давно ты начала взрослеть, если в двадцать выглядела на десять?

Осознав, насколько разоткровенничалась, я прикусила язык и, оттолкнувшись от буйка, быстро поплыла к берегу. Изабель держалась рядом и, проплыв несколько метров, сказала:

– Прости, я не хотела тебя обижать и смущать, просто ты очень интересная собеседница, с тобой легко. – Повернув ко мне мокрое лицо, она смешно сморщила его в просительной гримаске: – Наверное, я слегка забылась.

Я облегченно рассмеялась и решила все-таки ответить на ее вопрос:

– Ничего, просто меня это так расстраивало раньше. А за последние полгода я очень изменилась, и мои гормоны наконец проснулись. И даже... – Опять поняла, что рассказываю о слишком интимном практически постороннему человеку, и решила изменить тему: – Что-то я уже устала плавать. Плыть и говорить тяжело, не находишь? И вообще, есть очень хочется. Может, сходим пообедаем вместе, а?

Изабель с радостной улыбкой кивнула, при этом смешно хлебнув воды. И мы быстро поплыли к берегу.

Выходя из воды, я увидела возле наших лежаков двоих здоровенных мускулистых мужчин, пристально наблюдающих за нашим приближением. Даже не знаю почему, но они сразу вызвали у меня серьезные опасения. И окружающие люди, особенно мужчины, вели себя таким образом, чтобы не привлекать внимания этих двух. Страшновато стало. Отметив мою реакцию на грозного вида гигантов, Изабель взяла меня за руку и повела к ним.

Подойдя ближе, я рассмотрела мужчин более внимательно. Высокие, крупные, с хорошо развитой мускулатурой, довольно привлекательной наружности. Один из них, шатен с карими искристыми глазами, тонкими губами и квадратным упрямым подбородком с нежностью смотрел на Изабель, и с явным любопытством – на меня. Второй на полголовы ниже шатена, золотистый блондин с изумрудными глазами, пухлыми губами, которые так и просят поцелуя, рождая в голове грешные мысли, приковал мой взгляд к своей персоне на несколько секунд дольше, чем приличествует. Обоих можно было бы назвать красавчиками, если бы не цепкий изучающий взгляд, которым они смотрели на мир, и не аура силы, опасности и тревоги, окружающая каждого из них. Шатен тревожил меня больше блондина, но от этого блондин не был менее опасным.

Такое чувство я испытывала только один раз, в детстве, когда у меня на пути встал огромный дог с меня ростом. Дог просто стоял и принюхивался, но, казалось, оценивал меня как противника. Я умирала от страха, при этом не отрываясь глядела ему в глаза. В какой-то момент

он отвел от меня взгляд и, тряхнув лобастой головой, потрусил мимо меня. А я еще долго стояла, не в силах сдвинуться с места, настолько одеревенело тело.

Вот и сейчас я почувствовала, что меня прощупывают и оценивают двое хищников, излучающих немалую силу и опасность. Напряженную молчанку прервала Изабель, начав нас знакомить, неожиданно выставив меня перед собой:

– Привет! Мальчики, знакомьтесь, это Милана Лисовская, она из России, здесь отдыхает одна, и, можете себе представить, у нее нет клана! Я думаю, вы согласны принять ее в нашу маленькую компанию?

Встав рядом со мной, она выразительно посмотрела на своих спутников, которые еще более пристально изучали меня с ног до головы, от чего я начала нервничать. Я уже не рада была, что решила на знакомство со странными шотландцами, и начала отодвигаться от Изабель. В этот момент блондин продемонстрировал мне такую потрясающую улыбку, от которой у меня чуть ноги не подкосились. А шатен, подойдя ближе и почему-то широко раздувая ноздри, глухо пророкотал, протягивая огромную ладонь для рукопожатия:

– Коннор Макгрант, муж Изабель, а этот красавчик – мой кузен Николас Макгрант. Мы счастливы составить очаровательной мисс компанию.

И тоже улыбнулся, показав белоснежный, крепкий ряд зубов. Легко и даже осторожно пожал мою руку, несомненно, тщательно дозируя свою силу.

Его кузен тоже аккуратно взял мою руку, но не торопился отпускать и, поднеся к лицу, мягко коснулся губами запястья. Я спрятала ладонь за спиной и покраснела от смущения. Макгранты дружно смотрели на меня, причем Ник – с лукавой улыбкой, а Изабель и Коннор – с прямо-таки отеческой заботой. Странно, ведь они молодые, а такие взгляды должны быть у очень солидных, много повидавших людей. От размышлений отвлек возмущенный длительной голодовкой рев моего желудка, от которого у меня даже уши покраснели. Зато мои спутники поторопились отправиться на обед.

В ресторане было немного гостей, поэтому мы комфортно расположились на веранде с прекрасным видом на океан. Заказав блюда, Коннор и Николас пару минут рассматривали меня, вернее, изучали. Создавалось ощущение, что меня потрошили, словно старый чемодан, выкладывая все наружу и определяясь с дальнейшим использованием: нужное или ненужное. Снова стало неловко. Николас, склонившись ко мне, с улыбкой, но вполне серьезно заявил:

– Мне сложно поверить, что такая красивая девушка отдыхает одна. Я бы ни при каких обстоятельствах не отпустил свою женщину одну куда бы то ни было. О чем только думают мужчины вашей семьи!

Я грустно улыбнулась:

– Все мужчины моей семьи лежат на кладбище и, к сожалению, ни о чем думать больше никогда не смогут. Особенно обо мне. Тем более я уже большая девочка, мне через два месяца двадцать пять исполнится, вряд ли найдется хоть один человек, который сможет заставить меня что-то делать или указывать, как жить.

Николас странно ухмыльнулся, обменявшись взглядами с Коннором, а Изабель рассмеялась:

– Ты права, Милана, че-ло-век не сможет. Но в жизни все невероятным образом и неожиданно меняется, что иногда стоит задуматься: а так ли незыблемы наши утверждения?

Я недоуменно уставилась на нее, не понимая, о чем меня сейчас пытаются предупредить. И вообще, разговор начал раздражать. Такое ощущение, что я подопытный объект, простушка для умудренных аристократов. Поэтому, отвернувшись к океану, решила спокойно пообедать, а потом прекратить «неподобающее» знакомство. Неожиданно в разговор вступил Коннор:

– Милана, скажите, кто глава вашего клана?

Я повернулась и немного раздраженно ответила:

– Я не понимаю вас, господа. Я говорила Изабель, что в России нет кланов. Более того, и вам сказала, что моя семья погибла три года назад. Клана у меня нет! Мне непонятен столь пристальный интерес к моей персоне и к моей семье. Извините, но мне неприятен этот разговор, я потеряла аппетит.

Я резко встала, намереваясь уйти. Они тоже встали все втроем. Судя по лицам, дошло, что перегнули палку. Извиняться за Макгрантов выпало Изабель:

– Я прошу прощения, Милана, за себя и за своих мужчин. Мы не хотели расстраивать тебя. Потом ты поймешь причину нашего поведения и недоверия. Мы бы с удовольствием продолжили общение, а если тебе не понравятся какие-то наши вопросы или поступки, ты нас осаживай, никаких обид. – Она взяла меня за руку и говорила тихо, с виноватыми нотками в голосе: – Просто мы привыкли к другому поведению и немного отвыкли от людей. Поэтому шокируем их своей настойчивостью и дотошностью.

Николас, забрав мою руку у Изабель, снова поцеловал внутреннюю часть запястья, отчего по коже побежали довольные мурашки, напомнив, что две недели назад я стала физически взрослой и гормоны мои уже проснулись. Я заглянула в его глаза, самые зеленые, которые когда-либо видела, и самые чарующие, потому что в этой зелени утонула.

Наклонившись к моему уху, Николас прошептал, обдав горячим дыханием и вызвав целую волну мурашек по всему телу:

– Малышка, если ты дашь мне шанс, то у тебя появится мужчина, который о тебе будет заботиться. Всю жизнь!

Я едва не впала в ступор, но быстро взяла себя в руки и попыталась отшутиться:

– Николас, предложение из уст такого симпатичного мужчины звучит слишком заманчиво – а вдруг кто-нибудь возьмет, да и согласится, причем сразу, не раздумывая. Придет конец вашей холостяцкой жизни.

Николас отпустил мою руку и ответил, когда мы расселись по местам:

– Милана, я, знаете ли, уже в полной мере наслаждался своей холостяцкой жизнью, но никак не могу ее изменить и найти подругу жизни. Вот и вы отказались от такого подарка, как я.

Я скорее почувствовала, чем услышала за его, казалось бы, легким тоном, нотки грусти и тоски. Странно, красивый, да что там, просто неотразимый в своей мужской красоте и мощи, но страдает от одиночества. Во мне слегка зашевелилась его нужда. Но, к сожалению, только его нужда. Не моя. Я внимательнее присмотрелась к нему, но решила не открывать свой секрет. Вдруг мои новые знакомые не верят в паранормальные способности. Тем более нам уже несут вкусно пахнущие блюда.

Мы просидели часа два, наслаждаясь едой, болтая обо всем на свете, все чаще подтрунивая друг над другом или вспоминая забавные случаи из своей жизни. Тарелки унесли, а мы все говорили и говорили. И зачем я пыталась отделаться от Макгрантов?

Николас, взяв меня за руку и поглаживая ее большим пальцем, попросил:

– Милана, вы не хотели бы присоединиться к нам за ужином, у меня для всех вас есть сюрприз.

Мы втроем заинтересованно посмотрели на него. А он с видом партизана на допросе молчал, ожидая моего ответа.

– Я с удовольствием с вами поужинаю. Мне было настолько легко и весело за обедом в вашей компании, что я не прочь повторить. Позвольте пока откланяться, пойду отдохну – прилетела сегодня ночью. Когда соберетесь на ужин, позвоните в пятый номер, если не переживаете.

* * *

Снова сон: меня кто-то ждет, зовет и тоскует, а меня нет рядом, когда я должна быть, просто обязана, но ведь не знаю, кто, где и почему. И снова боль в груди от одиночества и тоски и крик, от которого я снова просыпаюсь с чувством огромной потери. Что со мной происходит? К чему эти сны вперемешку с эротическими, от которых я просыпаюсь в горячке и поту. Мне страшно и одиноко. От этой мысли в голове всплывает образ Николаса. Красивый, зараза, но ведь я чувствую, что не мой. Его кто-то уже ждет, нуждается в нем. Может, хоть раз подумать о себе и ненадолго забыться – представить, что я не одинока и тоже нужна кому-то?

Я впервые танцевала с мужчиной медленный танец. Я чувствовала его всем телом, каждой клеточкой, вибрируя от восторга и радости. Мой первый танец! И с каким великолепным партнером! С ума сойти можно от счастья. Мы кружились в вальсе, танцевали под современную музыку и все время были вместе. Я чувствовала его неподдельный интерес, восхищение мной, желание – эти чувства будоражили кровь, заставляя забыть обо всем.

После очередного медленного танца Николас попытался поцеловать меня, но я вдруг испугалась: вот прямо сейчас он поймет, что я не умею, никогда не целовалась – и сказочно-прекрасный вечер рассеется словно туман. Отстранившись, я поспешила к нашим спутникам за бокалом с водой. Николас подошел вслед за мной и присел рядом, положив руку на спинку моего стула, словно демонстрируя всем, с кем я здесь. Я затрепетала и покраснела, украдкой наблюдая за ним, а заметив, с каким интересом за мной наблюдают Изабель с Коннором, и вовсе стала похожа на помидор. Изабель, на мою удачу, избавила меня от неловкой ситуации:

– Ник, давай уже признавайся, какой там у тебя сюрприз?

Николас задумчиво обвел нас взглядом, при этом словно ненароком поглаживая пальцами мой затылок, от которого растекалось тепло вдоль позвоночника, а потом вкрадчиво ответил:

– При отеле есть яхт-клуб, и я на несколько дней арендовал яхту для прогулок по океану. Ну что – хороший сюрприз?

Изабель восторженно вскрикнула и кинулась обнимать Ника. В этот момент громко и странно рыкнул Коннор – и она в ту же секунду оказалась у него на коленях, радостно хохоча и ероша ему волосы. Ник ухмыльнулся, посмотрев на супругов, повернулся ко мне и, приблизив лицо к моему, хрипло спросил:

– Ну что, Милана, согласна поехать с нами? Не бойся, я хорошо разбираюсь в яхтах, ты будешь в полной безопасности.

Я неуверенно посмотрела на него, потом на Изабель и Коннора, которые заинтересованно ждали моего ответа, и решила на откровенность:

– Николас, я не маленькая и понимаю, чего ты хочешь, но не готова тебе это дать, по крайней мере, сейчас или на яхте. Я бы с удовольствием согласилась, если бы не это обстоятельство, и еще, если вы возьмете меня с собой, я оплачу половину стоимости за аренду яхты.

С каждым моим словом Николас все больше мрачнел.

– Милана, ты не понимаешь...

Николас поднял руку, заставив замолчать Коннора, и продолжил сам:

– Солнышко мое, пока мы рядом, никто тебя без твоего согласия и пальцем не тронет, особенно я. Если ты не против, я буду за тобой ухаживать, не настаивая на том, чего бы тебе не хотелось. Насчет денег, больше никогда не смей обижать нас с Коннором подобным образом. В нашем кругу платить – привилегия и обязанность мужчин. Не бойся, маленькая, никто тебя не обидит, поехали с нами.

Ласковый глубокий голос Ника успокоил и вернул уверенность в себе. Не знаю почему, но, посмотрев ему в лицо и заметив тревожное ожидание, мягко коснулась ладонью его щеки, шершавой от щетины, и согласилась:

– Спасибо за приглашение, Ник, я с удовольствием поеду с вами.

Глава 3

Лежа в шезлонге на палубе небольшой яхты, я с улыбкой наблюдала, как на корме Ник с Коннором пытались отправить Изабель за борт. Она протестовала, весело визжала, они смеялись. Я тоже не выдержала. Тихонько подкравшись к ним, толкнула обоих в спину, но в итоге, не удержавшись, мы все вместе свалились в океан. Всплыв на поверхность, я услышала дружный хохот и фыркание Макгрантов и сама рассмеялась. Ник подплыл ко мне и кружил рядом, а мне осталось только удивляться его выносливости и силе, с которой он и Коннор могли преодолевать большие расстояния на хорошей скорости.

Мы путешествовали по океану уже вторые сутки, заплывая на маленькие острова или атоллы, окруженные лагунами – сверкающими бирюзовыми опалами, а лагуны – маленькими островками-моту. Я с восторгом ходила по белым и черным песчаным пляжам, необыкновенно мягким, прямо-таки ласкавшим ступни. Запрокинув голову, любовалась кронами огромных деревьев, дарившими освежающую тень и прохладу в солнечный зной.

Мы делали небольшие остановки и шли дальше. Вот и сейчас остановились, чтобы поплавать, и барахтались в воде как маленькие. Но до чего было здорово и весело в нашей маленькой и дружной компании. Мои спутники не стеснялись проявлять чувства, особенно Коннор с Изабель, которые все время были вместе, постоянно прикасались друг к другу, будто не виделись многие месяцы. Они много рассказывали о стране, где жили и, недолго думая, предложили мне погостить у них. Ник вообще предложил переехать к ним, о чем я, улынувшись, пообещала подумать.

Оказалось, у такой молодой пары уже есть двое детей, которые сейчас находятся под присмотром бабушки и всего клана. Родители Изабель и Ника погибли, когда те были совсем юными, как и мать Коннора, что меня потрясло и окончательно сблизило с ними. Причем на вопрос: «Как это произошло?» я получила весьма странный ответ: «Во всем виноваты люди, они уничтожают все, что им непонятно или чего боятся». Уловив, что эту тему шотландцы не хотят обсуждать, я перевела разговор на другую. Единственное «но»: время от времени замечала, как кто-нибудь из Макгрантов смотрит на меня озадаченным или оценивающим взглядом.

Отдохнув в шезлонгах после легкого обеда, мы собрались идти дальше, как только Коннор с Ником вылезут из воды. Они отплыли уже на приличное расстояние, когда мы с Изабель увидели стремительно приближающиеся к нам две большие моторные лодки. Тревожно забило сердце, вдруг всплыла мысль о том, что в здешних водах могут водиться пираты. Когда до моторок оставалось пару сотен метров, на яхту поднялись наши мужчины и, кивнув Изабель, приготовились к встрече неожиданных гостей.

Изабель взяла меня за руку и потянула в каюту. Оглянувшись, я отметила, что лодки с чернокожими полуголыми людьми на борту уже в непосредственной близости. К нам действительно «пожаловали» пираты, обвешанные патронами, огнестрельным и холодным оружием, как новогодние елки. Они весьма недружелюбно взирали на нас. В тридцатиградусную жару меня пробрал мороз – представила, что нас ждет в руках этих людей.

В каюте я сначала услышала, а потом и почувствовала, как качается наша яхта под весом взбирающихся на борт пиратов. Затем раздался угрожающий рев какого-то животного, который перекрыл звук автоматных очередей, потом раздался дикий, нечеловеческий многоголосый крик умирающих в страшных муках людей. Сердце ушло в пятки, в предобморочном состоянии я замерла с открытым ртом в попытке закричать. Затем, вцепившись в ручку двери, попыталась заставить себя выйти, чтобы хоть чем-нибудь помочь нашим мужчинам.

Дальше я рыдала в душе, ожидая следующий предсмертный вопль, вдруг он будет нашим. Но, оглянувшись на Изабель, увидела, что она спокойно стоит рядом, прислушиваясь к тому,

что происходит на палубе. Но самое странное, ее бойня наверху нисколько не пугает, она только досадливо поморщилась. А ведь там убивают ее мужа! Больше не раздумывая, я выскочила за дверь и кинулась вверх, на палубу.

От представшей моему взору картины поплыло в глазах: Коннор и Ник, голые и в крови, выкидывали тела пиратов за борт. Труп одного из них с развороченным горлом и оторванной рукой, в которой до сих пор зажат автомат Калашникова, лежит буквально в шаге от меня. А опустив голову, чтобы притупить тошноту и головокружение, я увидела, что стою голыми ногами в луже крови. Наконец, накатило благословенное забытие, и уже отключаясь, почувствовала, как меня подхватили на руки...

Придя в сознание, я несколько минут не могла пошевелиться, пытаюсь осмыслить то, чему оказалась свидетелем. Получилось плохо. Наконец, открыв глаза, я поняла, что лежу в каюте, рядом со мной никого и можно «спокойно» думать дальше, куда меня занесло обманчиво теплым ветром перемен. По-видимому, моя новая жизнь как-то не совсем правильно началась. Мысли вихрем крутились в голове, вместо того чтобы привычно выстроиться в логическую цепочку. Пиратов было больше десяти человек, вооруженных до зубов. Труп, возле которого я стояла, выглядел так, будто его рвало на части животное. Причем довольно крупное, с большими зубами. Так что же там произошло за несколько минут, пока мы с Изабель прятались в каюте? Как двум голым мужчинам удалось справиться с таким количеством хорошо вооруженных бандитов, готовых к нападению и несомненно ведущих образ жизни, который дает большой опыт выживания в тяжелых и опасных ситуациях?

Мне было не жаль пиратов, причем совсем: мы их в гости не звали, и они к нам не холодного чаю попить заглянули. Пугает дальнейшее развитие событий, где я – свидетель убийства, причем массового, пусть на нас напали пираты и Макгранты действовали в целях самообороны, но ведь это преступление! А я не член их клана! Меня от страха, несмотря на духоту, прошиб холодный липкий пот, противный запах которого лез в нос, заставляя кривиться от отвращения. Странно, у меня уже обонятельные галлюцинации на фоне стресса начались.

В голове бился извечный вопрос: что делать? Что же делать? А ответа не было. Вместо него я почувствовала тяжелый мускусный мужской запах, от которого на теле встали дыбом все волоски в предчувствии опасности. Затем в каюту втиснулись Ник и Коннор в длинных чистых шортах, а в дверях нерешительно застыла Изабель. В груди скручивалась пружина тревожного ожидания. Замерев и практически не дыша, я во все глаза смотрела на Макгрантов, съезжившись и обняв себя руками. Ну что ж, двум смертям не бывать, а одну можно отложить. Главное, не задавать глупых вопросов. Как-нибудь сама разберусь, без подсказок. Я надеюсь!

Ник присел на краешек кровати и, не делая резких движений, тихо заговорил, как с ребенком:

– Детка, ты же понимаешь, что они бы нас скорее всего убили? Если не всех, то кого-нибудь обязательно.

Я согласно кивнула головой.

– Нам пришлось защищаться. На кону были наши жизни. Ведь я обещал тебе, что, пока ты с нами, будешь в полной безопасности, мы никому не позволим причинить даже малейший вред нашим женщинам.

От угрозы, прозвучавшей в его голосе, у меня снова встали дыбом волоски на коже, я сильнее уперлась в переборку за спиной. Заметив, что напугал меня, Николас нахмурился, потом по его лицу я поняла: он сильно расстроен моей реакцией и решает, что ему делать дальше. Посмотрела на маявщуюся позади мужчин Изабель и спросила:

– Ты ведь знала, что будет? Ты все слышала, поэтому не боялась за них. Ведь я права?

Она удивленно посмотрела, кивнула, а потом, по-другому взглянув на меня, начала говорить, взвешивая каждое свое слово, но не обращаясь со мной как с ребенком.

– Милана, я понимаю, что тебя сейчас тревожит, сколько вопросов в твоей голове. Просто поверь, когда придет твое время, сама все поймешь. Сейчас ты должна успокоиться и забыть случившееся как страшный сон. Надеюсь, в твоей жизни таких вот снов будет как можно меньше. Хотя в сказки я не верю и розовые очки потеряла в очень далеком детстве. И вообще, нам всем надо выпить, чтобы расслабиться.

Я ошарашенно смотрела, как Изабель подошла ко мне и, схватив за руку, потащила вон из каюты. Хватка у нее как у бульдога и силы немереной, хотя она не сделала мне больно. Я семенила за ней, а она, словно танк, перла вперед. На секунду оглянувшись, Изабель зычно крикнула следовавшим за нами мужчинам:

– Мальчики, принесите нам на палубу выпивки и закуски. Побольше. Девочки будут расслабляться и забывать страшные сны, чтоб им пусто было.

Выбравшись на уже отдраенную палубу, я с удовольствием глотнула свежего воздуха и подставила лицо ветерку. Изабель довела меня до шезлонга и, усадив, сама плюхнулась на соседний и расслабленно откинулась на спинку, прикрыв глаза. Потом, прищурившись, глядя на солнце, тихонько заговорила:

– Милана, я понимаю, тебе сейчас тяжело и непонятно, но ты должна знать, что мы тебе не враги и не причиним вреда. Нику сейчас очень тяжело. Встреча с тобой похожа на чудо и дает ему надежду на что-то большее, о чем он и мечтать не смел, а тут – такая неприятность. И все на твоих глазах, какие уж тут ухаживания. Не бойся нас, пожалуйста, мы полностью на твоей стороне. Более того, ты пока, судя по всему, не понимаешь этого. Нам тоже сложно понять, как подобное могло произойти, но ты одна из нас. Объединение уже близко, мы чувствуем. Когда оно пройдет, мы откроем тебе все наши секреты, а пока просто знай, девочка, ты сама по себе очень важна для нас, интересна и практически бесценна. Если ты согласишься, мы сочтем за честь принять тебя в наш клан и обеспечить твою дальнейшую защиту от других представителей нашего вида, да и от любой угрозы тоже. Тебя это ни к чему не обяжет, но ты многое приобретешь в нашем лице. – Запрокинув голову, она посмотрела на Коннора, за спиной которого стоял Ник с термоконтейнером, полным пива и швепса. – Я могу говорить от лица всего клана, любимый?

Ник напряженно смотрел на меня. Я вымученно улыбнулась, и все расслабились. Коннор, поставив тарелки с фруктами, сыром и колбасой, присел рядом с Изабель и, зарывшись рукой в ее волосы, чмокнув в губы, затем уверенно пророкотал, не скрывая облегчения, что этот тяжелый разговор она взяла на себя:

– Ты, единственная моя, можешь все, что хочешь. Если хотеть будешь только меня! Я рад от лица нашего клана повторить предложение, сделанное моей парой. Милана, если ты согласишься войти в наш клан – осчастливишь многих из нас.

Я напряженно посмотрела на него и решила задать мучивший меня вопрос:

– Скажите, Коннор, ваш клан – это какая-то, извините меня, секта или... хм... объединение?

Ник, аккуратно присев на мой лежак, чем вызвал волну мурашек от соприкосновения наших голых ног, ответил вместо Коннора:

– Нет, Милана, мы не секта, мы клан. Таких как мы достаточно много, и все они объединены в кланы. Хотя встречаются самцы, которые не признают никого над собой, но их слишком мало, потому что очень много трудностей связано с нашим образом жизни и, скажем так, проблемами жизнедеятельности. – Склонившись ко мне, Ник зарылся лицом в мои волосы, глубоко вдохнул и глухо прорычал: – Ты не волнуйся, скоро, очень скоро сама поймешь. Потому что оно уже близко и так сладко пахнет.

Его большая широкая ладонь накрыла мое бедро и, чуть сжав его, двинулась вверх, вызывая горячий отклик моего тела и некоторые опасения, что происходит нечто-то странное, а мне об этом прямо не говорят. Меня опять накрыло холодной волной страха, я твердо отстранила

руку Николаса и отодвинулась от него. Смущенно заглянув ему в лицо, заметила расширившиеся зрачки, а его ноздри жадно раздувались. Понимающе улыбнувшись, Ник ласково прошептал:

– Я рад, солнышко, что ты меня уже не боишься. Мне было больно чувствовать твой страх.

Я пораженно смотрела на него, пытаюсь осмыслить его фразу. Неужели он тоже чувствовал тот неприятный, липкий запах моего страха? Потом, одернув себя, решила, что он банально видел, как я себя вела. Хотя слово «самцы» тоже странно прозвучало. Честно говоря, теперь мне все казалось жутким, странным и загадочным от начала до конца.

Через сутки мы вернулись в отель, где я почувствовала себя чуть более уверенно. Чуть-чуть, потому что так и не смогла прийти к какому-либо внятному выводу по поводу происшествия на яхте. К тому же все сильнее чувствовала мужскую притягательность Николаса, при этом, как ни странно, испытывая к нему едва ли не сестринские чувства.

Вообще, последнее время я совсем не в себе. Собственное тело предавало меня на каждом шагу, в самые неожиданные моменты, чувствуя то страх, то дикое желание. Обоняние тоже каждый день выкидывало фортели: я наслаждалась каким-нибудь запахом, странным и для нормальных людей неприятным, в то же время не могла работать и злилась, уловив аромат чьих-то духов или вонючий пот. Начала болеть грудь, низ живота и, самое удивительное – я потеряла хладнокровие, да и мозги, по-моему, тоже, потому что раздражало практически все вокруг, вызывая неконтролируемые приступы злобы и ярости. Я с трудом выносила людей с их вечной суетой и запахами. Хотелось убежать куда-нибудь, зарыться, чтобы никто не беспокоил и не мелькал перед глазами.

* * *

Я просидела в номере практически два дня, чтобы не реагировать на внешние раздражители, и осторожно отклоняла все приглашения представителей клана Макгранта. Но в конце третьего дня Изабель, не слушая моих жалоб на плохое самочувствие, решительно прошла в номер и села на диван. Пристально разглядывая меня, сообщила:

– Милана, у тебя начинается очень непростой период. Тебе понадобится наша помощь. Мы все чувствуем, что с тобой происходит, особенно мои мужчины. Николас скоро на стенку полезет от желания, но ничего, пусть помучается, ему полезно.

Я поймала себя на том, что слушаю ее с открытым ртом. Пару раз попыталась возразить, но не вымолвила ни слова. А она, как ни в чем не бывало, деловым тоном продолжала:

– Детка, я понимаю, что для тебя все, что сейчас происходит, похоже на жутковатую сказку. Но ты должна, понимаешь, должна нам поверить, мы не причиним тебе вреда, наоборот, поможем. Ты поймешь, почему мы не говорим тебе больше. Судя по твоему аромату, объединение уже близко, дня через два. Это одна из причин, по которой мы предлагаем тебе завтра же уехать вместе с нами, в наше поместье. Там оно пройдет без особых проблем и последствий для окружающих. Ты поверь, в момент объединения никто из наших не остается один, потому что есть вероятность полного обращения без возможности контроля и возвращения... хм... назад. Удивительно, как тебя пропустили твои соотечественники, почему о тебе никто не знал, ты осталась одна, без защиты и помощи, но теперь ты не одна. С тобой теперь весь клан Макгрантов со всеми нашими ресурсами и возможностями. Если у тебя возникнет проблема с представителями нашего, хм... сообщества, достаточно назвать клан Макгрантов – и никто не посмеет к тебе прикоснуться.

Я заворуженно смотрела на Изабель и не могла понять, о чем она говорит. Какое объединение? В груди закипает гнев, в голове начинается паника и только на сердце неожиданно

потеплело, когда она сказала, что теперь я не одна. И ответила ей не так, как хотела вначале, и все благодаря этому теплу, исходящему из моего сердца:

– Изабель, я благодарна вам за заботу. Я подумаю над вашим предложением и скажу о своем решении за ужином в ресторане. Но хочу, чтобы ты заранее знала: Николас меня не получит. Меня сейчас почему-то дико к нему влечет. Скажу честно, я испытываю нестерпимое желание прямо сейчас кинуться к нему в объятия и попросить что-нибудь с этим сделать, но это не я, понимаешь! Наверное, ты можешь подумать, что я сошла с ума, но к сожалению, а может и к счастью, отношусь к нему как родственнику, не более. И если бы не это странное желание, которое сводит меня с ума, короче, я совсем запуталась...

Собеседница с на редкость мудрыми глазами уважительно и понимающе кивала головой, располагая меня к большим откровениям.

– ...но ты должна знать, что не я его половина. Его судьбу я сразу почувствовала, она уже начала в нем нуждаться, хотя пока не очень... четко что ли... Ему надо чуть-чуть подождать. А я? Я только ступенька к ней и не хочу быть промежуточным звеном. Я хочу быть единственной и любимой, как ты для Коннора. Мне кажется, если ты захочешь, он тебе луну с неба достанет. Я тоже так хочу. А Николас... Самое смешное и печальное, что более потрясающего мужчины я никогда не встречала, но рядом с ним чувствую себя младшей сестрой. Какая же я недоделанная!

Изабель пересела на подлокотник моего кресла, обняв меня за плечи, прижала к себе, и ласково поглаживала по спине. А я не выдержала груза навалившихся проблем – и разрыдалась. Я долго не могла успокоиться, и она тихонько, словно родная мать, поглаживала и шептала мне успокаивающие слова...

Проснувшись в кресле, я потянулась, посмотрела по сторонам. Никого, шторы задернуты. Взглянула на часы: спала часа два. Подъем, Лисовская! Быстро привела себя в порядок и забронировала места на ближайший рейс до Москвы. Собрала вещи и, позвонив на ресепшен, сообщила о том, что выезжаю, заодно вызвала такси в аэропорт. Свои тайны я буду раскрывать сама.

Глава 4

Все оказалось хуже, чем предупреждала Изабель. Вернувшись домой, я сначала металась по комнатам, потом до блеска выдраила квартиру, купила продукты, убралась в гараже, выкинула кучу давно просившегося на помойку хлама. К концу второго дня почувствовала, что у меня поднимается температура – умудрилась заболеть в июне для полного счастья. К ночи я пылала, ломило кости, болело все, вплоть до кончиков волос. Потом начались месячные вместе с диким, неконтролируемым желанием секса и свободы.

Стены давили на психику так, что хотелось выть и разобрать их по кирпичику. С каждой секундой становилось все хуже. Без уверенности, что смогу в таком состоянии управлять машиной, я взяла деньги и, захлопнув дверь и спрятав ключи под коврик, ринулась на улицу. Кругом люди, от жуткого запаха которых сводит скулы и выносит мозг. Я остановила такси и попросила отвезти меня ближе к лесу под удивленным взглядом водителя – деньги сразу решили проблему.

В лес я бежала, не чувствуя под собой ног и наслаждаясь тишиной и свежим воздухом. Даже темнота перестала быть тьмой, как раньше. Столько красивых, богатых оттенков ночи я не видела, не ощущала никогда. Босыми ногами чувствовала теплую, нагретую за день почву: из дома, оказывается, выскочила босиком. И жадно тянула носом лесные ароматы. Я могла бы так идти вечно...

Внезапно мое тело скрутила судорога. Затем еще одна, и еще, и еще... Я перестала их считать, потому что все силы уходило на то, чтобы пережить очередную волну и не раствориться в нечеловеческой боли, раздражающей все тело. Меня словно выворачивало наизнанку, наживую перестраивая и перекраивая каждую клеточку измученного организма, ломая каждую косточку. Я не могла кричать и только корчилась, зарываясь лицом в землю, вспарывая ее обломанными окровавленными ногтями... когтями...

Я уже не надеялась выжить – хотела быстрее умереть, чтобы прекратить эти муки. В какой-то момент все прекратилось, и я на время отключилась. А когда пришла в себя, тихонько, едва дыша, лежала, боясь лишним движением спровоцировать новый приступ. Потом увидела это: лапы, такие здоровые черные лапы, на которых в данный момент покоится моя голова. Резко вскочив, посмотрела себе под ноги, чтобы разглядеть, на чем же это я так неосмотрительно развалилась или, точнее, на ком. Не веря своим глазам, разумом пытаюсь следить за своим собственным взглядом, поняла: у меня не глюк! И лапы мои, причем все четыре! И хвост, длинный и мохнатый, тоже мой! Скосив глаза к носу, отметила, насколько он стал длиннее... к тому же мохнатый и... звериный...

Спустя минуту растерянного «сидения» на своей новой, хвостато-меховой заднице, я заметила разорванное платье, в котором выскочила на улицу. Тупое разглядывание грязного рванья сменилось озарением. Наконец-то пазлы сложились в единую картину. Клан Макгрантов! Объединение! Пираты! Да, вот влипла! Еще раз уже более спокойно осмотрела себя. Внезапно в голову пришла мысль, навеянная разговором с Изабель: «Я могу не вернуться обратно!» Вторая мысль, о том, что надо позвонить заботливой шотландке, придала надежду: она обязательно поможет. Зато третья – надежду на корню убила, заставив нервно полурывнуть, полухмыкнуть. Мне представилась занятная картинка, как я на оживленной улице подбегаю к кому-нибудь и рычу: «Извините, не одолжите свой телефончик, мне надо друзьям позвонить, выяснить, как обратно человеком стать». Ладно, придется потихоньку свои проблемы самой решать.

Я неуклюже поднялась и, путаясь в собственных лапах, начала осваивать новое тело. Надеюсь, охотничий сезон на волков еще не открыт, и по ночам всякие придурки по лесу не ходят. Кстати, про придурков. Через пару часов, когда со своим телом я, наконец, разобралась

и чувствовала только нужду моей волчицы в спаривании, не свое желание, а ее, на полянку, где я осваивала волчий облик, выскочила пара волков. Мой новый инстинкт подсказал, что это не просто волки, а одного со мной вида. Веры – не плод моего больного воображения, хоть все знают, что их не существует. Вот они – стоят, принохиваются жадно и нагло на меня смотрят. У-у-у... морды серые!

Так, судя по всему, их привлек запах гулящей самки. Мой! Да, да, гулящая самка на данный момент – я, собственной мохнатой персоной. Свою волчицу я назвала Милкой, и вот сейчас это подлое животное пыталось радостно подставить им зад для снятия первой пробы и аж скулила от нетерпения. Самцы от такого радостного приема пришли в полный единодушный восторг и, подбежав ближе, начали кружить вокруг Милки.

Моя человеческая половина, отвесив себе оплеуху, чтобы пришла в «порядок», правда получилось плохо, все-таки мысленно прикрикнула на Милку, и та прижала попу к земле, сев спиной к дереву. Я внимательно следила за верами, судорожно выискивая варианты побега. О драке речи быть не могло. Меня сразу подомнут – и прощай девичья честь, которая достанется группе мохнатых товарищей. Все-таки по большей части я человек, и хитрости у меня тоже человеческие. Я выразительно округлила глаза и втянула носом воздух, делая вид, что кого-то увидела позади них и испугалась. В тот момент, когда их инстинкты тоже сработали – волки развернулись, готовясь к встрече неожиданных гостей или конкурентов, – я рванула прочь со всех лап.

Веры гоняли меня по лесу больше суток, не давая ни секундошки отдохнуть. Когда поняла, что сил не осталось и меня скоро поймают, увидела небольшую речушку – и меня озарило. Вывалив голову в прибрежной грязи, я по самые глаза и нос залезла в воду, где и просидела следующие сутки, боясь выйти наружу и быть пойманной настойчивыми самцами. Ведь я для них фонила, словно ничейный уран для террористов. К утру третьего дня я почувствовала, что на смену жажде секса, тьфу ты, спаривания, пришел лютый голод. Мало того – он полностью выключил человеческий контроль над животной половиной. Голод – не шутка!

Чувствуя во рту солоноватый, теплый привкус свежей крови убитого и съеденного зайца, моя Милка урчала от сытости и приятной усталости, а человеческая часть в ужасе от содеянного никак не хотела приходить в себя. Так я и заснула с мыслью: кто же я сейчас? Проснувшись уже под вечер и обнаружила, что снова стала человеком. Причем абсолютно голым человеком. Проплутав несколько часов, по запаху вышла к небольшому населенному пункту. Это оказался дачный поселок практически за сто километров до Москвы.

В темноте я подкралась и осторожно влезла в какой-то скромный домик и, кое-как смыв грязь, распутав волосы и одевшись, скажем так, в позаимствованное, пешком направилась в город. Под утро я поймала попутку и уговорила водителя подвезти, пообещав расплатиться с ним возле дома. Наверное, я была очень убедительной, иначе еще бы дня два брела вдоль трассы.

* * *

Поднявшись на свой этаж, я наклонилась, чтобы достать ключи из-под коврика, и очень удивилась, не обнаружив их там, но еще больше удивилась Николасу в дверях моей квартиры, пристально разглядывающему меня. Я благодарно прижалась к нему, крепко обвив за пояс обеими руками. Ощутила себя рядом с ним в безопасности и умиротворенно, как со старшим надежным братом. Помолчав мгновение, прошептала:

– Ник, я так рада, что ты нашел меня! Это были самые ужасные дни в моей жизни, но, слава богу, ты здесь. Прости, что сбежала, я не хотела причинять тебе боль, но и дать то, что ты хотел, не могла. И не смогу! Как же хорошо, что сейчас ты здесь, даже описать невозможно.

Он нежно и немного печально улыбнулся:

– Детка, я уже понял. Мы тебе обещали защиту и никогда не откажемся от своего слова. Целых двое суток искали. Хвала Луне, Изабель, пока ты спала, записала номер твоего телефона. Я тоже очень рад, что нашел тебя. Теперь ты в безопасности. Пока мне достаточно и этого, а там, может, передумаешь?

Я сочувствующе посмотрела на Николаса, спросив:

– Тебе Изабель не передавала наш разговор? Ой, кстати, мне надо спуститься вниз, там возле подъезда машина стоит, надо с водителем расплатиться, он меня из пригорода привез.

Я попыталась выбраться из его рук, чтобы пойти взять деньги, но Николас не отпустил, чуть повернув голову, тихо рыкнул вглубь коридора:

– Трент, оплати счет и сразу назад. И посмотри вокруг.

Из-за его спины протиснулся на площадку огромный мужчина, похожий на тяжелоатлета. Проходя мимо меня, Трент откровенно втянул носом мой запах и, блаженно улынувшись, подмигнул. И ускорился после недовольного рыка Николаса, который занес меня в квартиру и закрыл за нами дверь. Вой дя в гостиную, я испуганно юркнула ему за спину, увидев еще двоих веров, как две капли воды похожих на Трента. Такие же шкафоподобные, с квадратными лицами, с русыми, с рыжиной волосами.

Николас, приобняв меня, смеясь, представил нас друг другу:

– Мисс Милана Лисовская. Это Трейс и Брант, они с Трентом тройняшки, поэтому так похожи. Парни – лучшие защитники клана, ты не должна их бояться. Со временем поймешь, что любой мужчина из нашего клана опасен для тебя словно трехмесячный щенок.

Я неуверенно улынулась и кивнула обоим защитникам:

– Располагайтесь. Будьте как дома, пожалуйста. Извините, мне надо срочно привести себя в порядок. – Ну а так как я-человек не ела уже три дня, а о том, что ела я-волчица, даже думать страшно, жалостливо попросила: – Господа, если вас не затруднит, приготовьте, пожалуйста, что-нибудь поесть.

И спешно скрылась в спальне, ведь у меня в гостях столько бесподобных мужественных индивидуумов, а я, хозяйка, выгляжу как... огородное пугало. Поэтому, быстро собрав одежду, пошла отмывать трехдневную грязь.

Через час мы прямо на кухне, благо она большая, уминали вкусные бифштексы с макаронами. Гости признались, что тоже успели основательно проголодаться. Мне приходилось не только жевать, но и рассказывать, что случилось, пока их не было со мной. Когда я закончила, Трент неожиданно заявил:

– Мисс, если покажете место, где встретили веров, мы их найдем и накажем. Очень сильно накажем.

От его тона мне стало холодно, поэтому, беззаботно махнув рукой, постаралась быть убедительной:

– Конечно, я не найду то место. Лес и лес. Ну их, тех глупых волков. Все позади.

Брант довольно хмыкнул и осклабился, показав приличный набор зубов и довольно острые клыки:

– Думаю, это молодняк был, потому что взрослый волк на такую удочку никогда не клюнет, да и молодую самку из лап не выпустит. Вам, мисс, очень повезло, что на каких-то идиотов напоролись. Были бы веры постарше да поумнее, так просто бы не отделались. Спрятаться в ручье – отличный ход. Вы достойная дочь Макгрантов!

Николас нахмурился, услышав последние слова, а я удивленно повернулась к нему в ожидании пояснения про дочь.

– Милана, мы сегодня же улетаем из Москвы, и ты вместе с нами. В данный момент мы находимся без разрешения на территории чужого клана, и нам бы не хотелось вызвать конфликт интересов. Глава нашего клана, отец Коннора, дал согласие принять тебя в нашу стаю, семью, со статусом приемной дочери.

– Почему, Ник? Какой вам интерес со мной возиться? Зачем мне нужен высокий статус, неужели у вас всех таких найденышей, как я, в семью принимают?

Ник помолчал, было заметно, что он думает, как правильно ответить на мои вопросы.

– Начнем с того, что ты уникал – полукровка. Таких, как ты, во всей нашей истории всего двадцать три особи. На самом деле, потомство от союза вера и человека получить практически невозможно. Только восемнадцать человеческих женщин смогли зачать и выносить детей от веров. Твоя мать – восемнадцатая, а ты – двадцать третий ребенок за несколько тысячелетий существования нашего вида. До сих пор неизвестно, как это произошло, но факт остается фактом. Более того, каждый полукровка был наделен каким-либо даром, но обделен нашей неуязвимостью. Вы от природы более слабые, хотя так же, как обычные веры, очень отличаетесь от людей по многим параметрам. Но в полную силу вы входите во много раз медленнее, чем мы. Видишь, даже половое созревание у вас происходит в двадцать пять, иногда и в тридцать лет, а у нас – в двенадцать-четырнадцать. С возрастом веры становятся более сильными и неуязвимыми, после пятой сотни нас практически невозможно убить обычным способом. К тысячелетнему рубежу для регенерации практически не требуется времени и особых усилий. А вот тебе придется прожить не одно столетие, чтобы твое тело приобрело хотя бы половину способностей веров. Впрочем, тебе это практически не понадобится, ведь ты самка и в боях участвовать не будешь.

Мне оставалось только удивленно хватать ртом воздух, пытаюсь переварить полученную информацию. Особенно о продолжительности жизни оборотней. Недолго думая, я выпалила:

– Ник, сколько тебе лет?

И пристально уставилась на него, прикидывая, на сколько же он выглядит, если по человеческим меркам тянет только на тридцать.

Его ответ намертво прибил меня к стулу, а мою челюсть к столу:

– Мне триста двадцать два, братьям, – он кивнул на них, – по триста, Изабель – четыреста тридцать восемь, Коннору уже семьсот сорок, а вот его отцу Рэнулфу недавно стукнуло тысячу четыреста тридцать шесть лет. Кстати, близнецам Коннора и Изабель по восемьдесят шесть, они такие же малолетки, как ты. Я думаю, вы найдете общий язык. – Немного помолчав, заметив, что вызвал у меня информационный шок, Ник с улыбкой продолжил: – Не волнуйся, я не старик, как тебе сейчас кажется. Веры, как вино, с возрастом становятся только крепче и вкуснее.

Николас лукаво посмотрел на меня, а потом они вчетвером оглушительно заржали. Отсмеявшись, Ник продолжил:

– Ну а теперь ответу на твой вопрос: зачем? Ты же понимаешь, что природа никогда ничего не дает просто так. Мы получили практически бессмертие и неуязвимость, и если бы мы еще и размножались, как люди, то скоро на земле кроме нас никого бы не осталось. Поэтому природа ввела сдерживающий фактор: чтобы обзавестись потомством, мы должны быть полностью совместимы со своей женской половиной. Парой. Ее мы узнаем по запаху, на который срабатывает инстинкт. После спаривания со своей половиной, извини за грубость, стоит только на нее, поэтому мужские измены полностью исключены.

Ник перевел дыхание, а Трейс, разливавший чай, добавил:

– Женская верность не гарантирована, дамы веров подобной фигней не страдают.

– Ну и самое печальное, – объявил Николас, – дети у нас рождаются редко, чаще мальчишки, чем девочки. Да еще наша волчья натура, сама понимаешь, спокойную жизнь исключает. Вот и страдает наш генофонд и общая численность. Мы заинтересованы в тебе, потому что ты женщина-вер, причем свободная и ничейная. Может так случиться, что среди нашего клана ты найдешь свою пару. Но даже без потомства сможешь осчастливить любого вера присутствием в его долгой и чаще всего бессмысленной жизни, став центром его вселенной. Например, меня!

– Ник, не торопи события, я уверена, точно знаю, у тебя все впереди. Скоро... – начала я, останавливая его очередное предложение себя.

Николас вздохнул и хмуро поделился:

– Сейчас нет ни одной свободной женщины вера. По крайней мере, мы о них уже много лет не слышали, хотя отслеживаем очень внимательно, сама понимаешь.

– Ник, а про мой новый статус в клане знают? – осторожно спросила я, практически затаив дыхание.

– Коннор пообещал тебе полную независимость, защиту клана и отсутствие обязательств с твоей стороны в отношении клана. Он, конечно, немного погорячился, но слово уже дал. В жизни веров честь имеет самое большое значение. Чтобы ты получила привилегии официально, тебе придется стать дочерью главы клана Рэнулфа Макгранта. Вот и все. Если ты согласна поехать с нами, просто надень клановый перстень.

Николас торжественно протянул мне золотой перстень. Старинного дизайна, с большим сапфиром, витиеватыми символами-рунами. Я смотрела на этот не столько красивый, сколько значимый символ принадлежности к новой семье и раздумывала о том, что не знаю всех правил будущей жизни, но возможность обрести семью, избежать одиночества, развить дар свахи и помочь им хоть чем-нибудь перевесили. К тому же мне банально страшно оставаться в Москве одной, а рядом с Ником я чувствую себя в безопасности. Пока это главное. Я взяла кольцо и, надев на безымянный палец, попросила:

– Ник, мне надо обязательно написать заявление на увольнение на работе, прежде чем к вам ехать, и еще вещи собрать.

Он облегченно вздохнул и, пересадив меня к себе на колени и крепко обняв, зарылся в мои волосы.

– Я до сих пор не могу поверить, что мы встретили тебя, что теперь ты с нами, со мной. Ты в одиночку прошла первый оборот, выдержала, избежала случайного спаривания. Твой запах невинности такой сладкий, что дурманит голову и рождает дикие фантазии. Ты просто чудо.

Пытаясь отвлечь всех от этих совершенно неуместных мыслей, я наигранно удивленно возразила, приносясь к себе:

– Странно, а я почему-то не чувствую никакого запаха.

Напряженно следящие за нами братья, чуть расслабившись, рассмеялись, а Ник насмешливо щелкнул меня по носу со словами:

– Много одежды не бери, дай Изабель возможность походить с тобой по магазинам.

Собралась я за пару часов, потом договорилась о присмотре за квартирой с хорошей соседкой. Осталось съездить на работу и уволиться.

В офисе, избегая любопытствующих взглядов коллег, я быстро собрала в пакет личные вещи, написала заявление и, заверив его в отделе кадров, сама понесла его в приемную генерального, чтобы положить в папку на визу. Все равно к лифту мимо идти. В приемной иссиня-бледная помощник директора с выпученными глазами смотрела на меня. Я положила ей на стол заявление и на всякий случай спросила, где начальство. И тут краем глаза заметила движение в дверном проеме в кабинет директора.

Дальше у меня непременно поднялась бы шерсть на загривке. «Система оповещения грядущих неприятностей» сработала четко и однозначно. В приоткрытую дверь в кабинет я заметила трех веров, один из которых в данный момент держит на весу за горло нашего генерального, отчего у несчастного вылезли из орбит глаза и кожа начала отливать синевой. Двое других веров подпирают стены в ожидании. В одном из них я узнала берлинского «знакомого» – брюнета, который караулил мою дверь и бегал по лестницам. Скорее всего, он здесь по мою душу. Широко улыбнувшись грозной троице и, махнув ручкой, как будто ничего из ряда вон не происходит, повернулась к выходу и, сделав пару шагов, рванула на спринтерской скорости на выход. Скинув туфли на бегу, я бесшумно понеслась вниз по пожарной лестнице, скрытой

обычной, без опознавательных знаков дверью, а не «общественной» застекленной, не рассчитывая в этот раз на лифт и обычные пути передвижения.

Вначале я слышала тяжелый бег моих преследователей, но они понеслись по коридору дальше, к служебной лестнице. Я летела по ступеням едва не кувырком, еще и умудрялась «анализировать» причину погони. Зачем я им понадобилась? Выяснить это лично я бы ни за что не стала, особенно после увиденного. Что-то слишком часто мне приходится «делать ноги», чтобы избавиться от назойливого внимания. Если так и дальше пойдет, скоро марафон бегать буду. К счастью, пожарный выход расположен прямо напротив служебной парковки. Заскочив в ожидающую меня машину, я крикнула:

– Уходим! Быстро! – Трент сорвался с места и влился в поток, а я объяснила: – Сматываемся, а то у нас сейчас компания образуется, причем нежелательная.

Ник, резко обернувшись вместе со мной, увидел моих преследователей в заднем окне. Они садились в машину, но у нас есть фора. Ник резко выдохнул. Наверняка узнал, кто эти веры. И реакция на них у него оказалась нехорошая.

– Ты знаешь, кто это, я не ошиблась? – спросила у него, пытаюсь отдышаться.

Сощутив глаза, Николас молча переглядывался с клановцами, потом достал телефон и позвонил:

– Лорд, за ней началась охота. Первыми на охоту вышли Морруа. Я только что видел Жака, Поля и, кажется, Рене. Мы едем в аэропорт, нам потребуется дополнительная охрана. Я думаю, они скоро узнают, у кого она. Заявите о ней перед советом. Морруа не остановятся ни перед чем, чтобы вернуть ее.

Выслушав собеседника, Ник повернулся ко мне и спросил:

– Малышка, ты видела этих волков раньше, до сегодняшнего дня?

Я огорченно кивнула и пояснила, где и когда встретила одного из них. Ник задумался на мгновение и, кивнув, продолжил разговор по телефону:

– Да, дядя. Ты слышал? Так вот, в Берлине был Жак с кем-то еще, надо выяснить. Но так стараться он будет только для себя, либо для главы, – Ник потемнел лицом, вслушиваясь в речь собеседника, а потом прорычал: – Мне все равно, Милана – Макгрант, они ничего больше не смогут сделать, главное – заявить ее совету, тогда она будет свободна в своем выборе. Хорошо, дядя, до встречи.

Я с тревогой посмотрела на Ника и прильнула к нему всем телом. Положив голову ему на грудь, заглянула в глаза:

– Ну что, у меня новые проблемы?

Он расслабился и, запустив пятерню в мои волосы, крепче прижал голову к своей груди:

– Не волнуйся, солнце мое, мы решим все твои проблемы. Расслабься и отдыхай. Трент, договорись о зеленом коридоре, в аэропорту нам не нужно лишнее внимание.

Глава 5

Встреча в аэропорту прошла спокойно, если не считать усиленного эскорта в десять веров. Потом длительная поездка из Эдинбурга и наконец лесной массив, в котором спряталась симпатичная деревушка, словно кольцом опоясывающая большой каменный дом, по виду которого сразу можно сказать, что и он, и дома вокруг служат своим обитателям много-много лет. Много веков, судя по тому, как органично эта деревушка вписалась в окружающий ландшафт. Просто потрясающий пейзаж, умиротворяющая аура, мирные жители вокруг.

Хм-м-м... насчет мирных жителей я, пожалуй, поторопилась! Выйдя из машины и ожидая, когда Ник с братьями вытащат мой багаж, сначала услышала жуткий грохот и, судя по всему, шотландскую ненормативную лексику. Дальше прямо мне под ноги шлепнулся парень, затем на него сверху упал еще один. Вслед за ними в дверях показался Коннор, одетый очень по-домашнему – в затрапезных штанах, держащихся на очень внушительном честном слове. У меня аж дыхание сперло от восхищения. Боже, здоровый, привлекательный и такой твердый мужчина. Р-р-р-р-р.

Мое восхищение истинно мужской особью прервал «мусор», который категорично выдворили из дома и который сейчас в две одинаковых пары глаз попытался заглянуть мне под юбку. От незатейливого, но откровенного нахальства у меня от злости в глазах потемнело. Я нагнулась и, схватив обоих парней за уши, дернула и прорычала:

– Эй, сосунки, сначала из пеленок вырасти надо и научиться за собой горшки выносить, а потом приличным тетям под юбки заглядывать.

Демонстративно брезгливо вытерла руки и, перешагнув через них, при этом случайно кому-то что-то отдавив, судя по раздавшемуся шипению, пошла к Коннору и вышедшей мне навстречу смеющейся Изабель. Изабель крепко обняла меня, потом покрутила во все стороны, внимательно разглядывая. Коннор восхищенно присвистнул и пророкотал, обняв свою жену:

– Знаешь, детка, с нашей последней встречи ты очень изменилась, стала просто сногшибательной женщиной. Ну, после мой жены, конечно, – поправился он, когда Изабель напряглась, но, услышав последнее замечание, расслабилась, уютнее устраиваясь в его объятиях. – Милана, оказывается, ты умеешь ставить на место безмозглых особей мужского пола, а я все переживал, думал, где бы тебе няньку найти, а ты сама нянькой работать можешь. Так что знакомься, эти два оболтуса – наши полоумные сыночки Тревор и Энгус, которые только массу наращивают, жаль, не мозговую. – Оглянувшись и кивнув Николасу и охране, Коннор попрощался: – Ник, срочно к отцу зайди, а мы пока Милане дом покажем, ее комнату и к ужину соберемся. Ты проголодалась, девочка?

Я увидела не обычного Коннора. Вместо веселого, беззаботно отдыхающего вместе с такой же женой молодого мужчины передо мной предстал будущий глава клана: сильный, уверенный, жесткий, который знает, чего хочет, и любыми путями добивается. Интересная метаморфоза. Изабель тоже неуловимо изменилась. Теперь она хоть и выглядит по-прежнему, но в ней определенно чувствуется немалый возраст и накопленный опыт, и положение первой леди в клане. Независимо от реалий, я восприняла Изабель как свою старшую сестру, по которой уже соскучилась. Судя по глазам, она это заметила, оценила и чувствует то же самое.

Обернувшись к Коннору, Изабель предложила:

– Любимый, может, ты тоже к отцу сходишь, а мы тут вдвоем по-девичьи поболтаем, дом посмотрим.

Любимый, понимающе улыбнувшись, потрепав меня по макушке и, чмокнув жену в щеку, быстро ушел. А мы потихоньку пошли по девичьим делам, провожаемые жадными, любопытными взглядами окружающих нас мужчин. Когда братья занесли мои чемоданы в комнату, я каждого поцеловала в щеку и от души поблагодарила за заботу. Они неуверенно

потоптались, явно попытавшись найти хоть какую-нибудь причину, чтобы остаться, но Изабель выпроводила их за порог и закрыла дверь.

Оставшееся до ужина время мы потратили с пользой. Разобрали мою одежду, половину которой Изабель заговорщически предложила сразу выкинуть, чтобы был повод для шопинга. По ходу дела я рассказала ей обо всем, что произошло со мной после возвращения домой, про объединение, про встречу с верами Морруа. Затем, приняв душ и переодевшись, пошла с ней в столовую ужинать.

В ожидании представления «большому папе» меня немного потряхивало. Вдруг шотландский лорд не примет меня, ну не понравлюсь я ему. Вдруг он мерзкий злобный старикан, у которого от малярии уже ум за разум зашел. Когда мы вошли в столовую, где был накрыт огромный стол, встали все находившиеся там мужчины, почтительным поклоном приветствуя нас. Я подошла к Николасу и, встав рядом, с любопытством оглянулась.

Рядом с Коннором стояли его сыновья-близнецы, которые с хитрыми смешинками в глазах рассматривали меня. Двое мужчин лет сорока, пристально наблюдали за мной изучающими взглядами. И вдруг оба направились ко мне. Я невольно прижалась к плечу Ника, чувствуя исходящее от них тяжелое напряжение. Николас, приобняв меня, ободряюще погладил по спине и громко сказал:

– Дядя, вы с Хавьером нашу девочку задавили своей «харизмой».

Я зачарованно уставилась на двух «харизматичных» мужчин. Один из которых очень похож на Коннора, словно старший брат, а значит, это и есть полуторатысячетный оборотень и глава клана Макгрантов. Такой же шатен с карими глазами, упрямым подбородком и римским носом. Только у него более мощное тело и аура, излучающая запредельную силу, опасность, власть и опыт, заработанный потом и кровью, и долгими-предолгими годами жизни. Молодое подтянутое тело, но холодный и жесткий взгляд, в котором мелькнул интерес и легкое удивление.

Глава молча протянул руку, моя робко поднятая ладошка потерялась в ней.

– Лорд Рэнулф Макгрант!

Я невольно склонилась перед ним. Он поднес мою ладонь к губам и, глубоко вдохнув мой запах, нежно коснулся ее губами. В этот момент я почувствовала дискомфорт в груди – прямое свидетельство: нужда требует его и зовет. Похолодев от боли и неосознанно выдернув руку, я потеряла грудину, чтобы хоть немного снять острое напряжение. Какая сильная нужда! Заметив, что вся семья тревожно уставилась на меня, я смутилась и решила отложить сообщение на более удобное время. Мне было неловко говорить о своем даре при таком количестве народа.

Взяв себя в руки, я улыбнулась, адресуя улыбку всем и второму, пока незнакомому мужчине. Смуглая оливковая кожа и черные волосы с темно-зелеными глазами, что называется, с головой выдают его испанские корни. Уверенно протянула ему руку. Тем не менее, в душе я боялась повторения. Так же как Рэнулф, он поцеловал мою руку и, учтиво склонив голову, мягко представился:

– Сеньорита, позвольте представиться, Хавьер Матиас Отерро. Я представляю испанский клан Отерро в этой гостеприимной обители шотландских братьев.

Я открыто улыбнулась, Хавьер очень располагает, так почему бы не расспросить, тем более любопытство разбирает:

– Сеньор, а вы случайно не в одной песочнице с главой Макгрантов играли? Честно говоря, я ожидала чего угодно, но не того, что увидела.

Оба мужчины заинтересованно уставились на меня, а Отерро спросил, ласково, как ребенка, улыбаясь:

– Ну и чего же ожидала маленькая красавица, чего не увидела? Старых сморщенных пердунов или ходячие мумии?

Я невольно хихикнула.

– Девочка, оборотни не стареют, они с возрастом только крепчают и становятся сильнее. Вот, например, Рэнулф всех сосунков в этой комнате за пару минут разделает, Изабель не узнает. Но ничего, вам простительно, вы сами еще младенец. Женщинам вообще все прощают, они слишком редкое сокровище, чтобы не ценить. Красавица, вы будете самым прекрасным украшением чьей-нибудь сокровищницы.

После старомодного галантного комплимента я совсем смутилась и украдкой поглядывала на остальных, когда мы расселись за столом и принялись за еду. Мне понравилась большая, но на редкость уютная и светлая столовая. Скорее всего, заслуга здешней хозяйки Изабель. Старинная, прекрасно сохранившаяся и тщательно отполированная лимонным маслом мебель отлично сочетается с современными отделочными тканями, картинами, сервировкой. Интерьер несколько не тяжеловесный, не парадный, а совсем наоборот – семейно-уютный. Идеально чистый камин со сложенными дровами. Мягкие стулья с клетчатой обивкой. Блестящие бронзовые подсвечники. Все неизменно радует глаз и обоняние, располагая к спокойному и душевному общению.

К моему удивлению, нас обслуживали люди. Как оказалось, на территории клана живут обычные человеческие семьи, которые столетиями служат оборотням, причем абсолютно добровольно. Пока разговор не касался меня, я с удовольствием ела и слушала остальных, следуя шотландской поговорке: тот, кто неуважительно относится к еде, просто лишен разума. Суп из подкопченной рыбы с картофелем и луком, приправленный сливками, таял во рту. Ник подсказал его название, калленскинк, и поделился, что это традиционное шотландское блюдо сегодня подали на ужин ради гостей, как и замечательный копченый лосось. Ум...

К ягодному десерту выяснилось, что Отерро входит в европейский совет кланов и здесь он по приглашению своего друга и «однопесочника» Рэнулфа. Через три дня меня представят совету, я официально стану Миланой Макгрант, и Хавьер поддержит нас. Для этого мы полетим в Париж на заседание совета в главную резиденцию клана Морруа, глава которого уже много лет возглавляет совет кланов.

Услышав знакомую фамилию, я в ужасе посмотрела на Ника, но он, улыбнувшись, пожал мою руку, тем самым показывая, что для волнений нет причины. За кофе и скотчем разговор перешел на мою персону и посыпались вопросы о моей прежней жизни. Особенно о родителях. Уже через полчаса у меня создалось четкое впечатление, что я на допросе. Да и вообще, все тревожнения, перелеты, новые впечатления и знакомства до предела вымотали. Мои собеседники заметили это и предложили идти отдыхать, что я с благодарностью и сделала.

Глава 6

Темнота, одиночество, холод в груди, который высасывает из души последние остатки человечности и тепла. И такая дикая боль от потери чего-то? Кого-то? Должна быть рядом! Капля счастья, а потом снова пустота и холод. Вернись! Не предавай! Не продавай! Не прогоняй!..

Проснувшись среди ночи, я долго ворочалась в кровати. Снова сны, которые мучают меня последние месяцы. Новое место, новая страна – все тревожит и не дает спать спокойно. Или это чья-то нужда спать не дает, зовет своего обладателя. Я надела на пижаму халат и спустилась на кухню за молоком. Выпив стакан и налив еще один, чтобы забрать с собой в спальню, на цыпочках направилась обратно. Проходя мимо кабинета главы, заметила движение возле окна и осторожно заглянула внутрь.

Рэнульф стоял и смотрел на ночной пейзаж, казалось, что сейчас он находится где-то очень далеко и не здесь. Настолько одинокий, что я решилась: тихо подошла и встала рядом. Встряхнув головой, он удивленно уставился на меня, а я попросила:

– Лорд Рэнульф, не сочтите за бесцеремонность. Расскажите, где вы сейчас были и что видели.

Он нахмурился и, мотнув головой и усевшись в глубокое кресло, прохрипел:

– Иди спать, Милана, ни к чему тебе мои старые грехи ворошить.

– Позвольте? – утвердительный кивок, и я, присев на мягкий подлокотник его кресла, попросила: – Вы расскажите. И вам легче станет, и мне понятнее будет ваша жизнь.

Он каким-то обреченным взглядом посмотрел на меня:

– Понятнее не станет, страшно будет. По крайней мере, мне вспоминать страшно и больно. Рассказывал я только сыну, лет этак триста назад, чтобы знал, какие ошибки делать нельзя.

– И все-таки.

Он пронзительно посмотрел на меня и прорычал:

– Ты уже в курсе, что мать моего сына погибла, но не многие знают как. Мою жену звали Мейдия. Мы познакомились в лесу на охоте и с того дня все время были вместе. Через сорок лет появился Коннор, а еще через семь – две дочери-близнецы. Представляешь, какое это было для нас счастье. Для своей семьи я построил огромный дом и думал, что надежней его нет на всем свете. Через полгода после рождения близнецов потребовалось мое присутствие на совете кланов, и я, забрав сына, отправился в поездку, оставив хорошую охрану жене и девочкам. К тому моменту Морруа уже правил в совете. Мне пришлось задержаться, чтобы присутствовать, когда очередной самоубийца выдвинул свою кандидатуру на пост верховного главы. Когда я возвращался обратно, уже за несколько миль почувствовал запах гари и смерти. За неделю до моего возвращения отряд церковников выкрал мою жену и детей и, прикрываясь ими, вырезал половину моего клана и практически всех людей, которые жили с нами. Они оказались не так живучи, как оборотни. Затем они соорудили помост и на нем сожгли моих девочек заживо. Если тело сгорает полностью, то взрослый оборотень восстановиться не сможет. Как говорится, повреждения несовместимые с жизнью и практически единственное средство нас убить. Мои дочери сгорели сразу, а вот для жены им пришлось пару дней поддерживать огонь нужной температуры, чтобы ее тело превратилось в прах. Я не успел всего на неделю – от моей семьи остался только сын. Я нашел всех, кто был повинен в их смерти, но как вернуть Мейдию? Я бы сдох в тот момент, когда отомстил последнему убийце моей семьи, но Коннор ее часть – пришлось жить. Я и сейчас не знаю, зачем продолжаю существование.

В какой-то момент я оказалась у Рэнульфа на коленях и рыдала у него на груди. Наконец, вытерев лицо рукавом, прохлюпала:

– Но ведь вы можете еще раз встретить свою половинку и заново начать жизнь. Я думаю, она была бы рада увидеть вас счастливым.

Рэнульф печально посмотрел на меня:

– Малышка, в нашей истории не известно ни одного случая, когда самец получил вторую пару.

Я задумалась, а потом замечательная идея затопила меня надеждой и радостью и как-то так уверенно срослась с чувством нужды Рэнульфа. Я словно на крыльях летела к намеченной цели в единственно верном направлении. Даже чувство его нужды во мне запульсировало с новой силой, заставив поморщиться и снова потерять грудь.

Рэнульф с тревогой спросил:

– С тобой все хорошо, детка? Что-то болит?

Мотнув головой и вцепившись в лацканы его халата, я спросила:

– Скажите, вы верите в реинкарнацию? Что одна душа может рождаться заново в другое время и другом теле?

Он пристально посмотрел на меня, ухмыльнулся и попытался возразить:

– Милана, я думаю, к верам это не относится и...

Я уперлась, пытаясь достучаться до него:

– Но почему? Ведь мужчины веры умирают сразу после гибели своих пар. Я правильно понимаю? И только вы, ну, может, и еще кто-нибудь долго прожил без своей пары. Ведь может так случиться, что вы просто не можете дождаться своего повторного счастья. Просто оно идет к вам медленно. Понимаете, я с детства чувствую, когда кого-то ждут, ищут и готовы полюбить и соединить с ним свою жизнь. Я назвала это чувство нуждой. Нужда возникает, когда человек очень сильно нуждается в другом человеке или не человеке. Когда страдает без своей половины, когда готов принять ее и зовет. Вы мне верите?

Отметив недоверчивый кивок, я продолжила:

– Просто поверьте мне! Я даже в универе получила прозвище Сваха за сводничество. В хорошем смысле слова. А еще, когда нужда приходит ко мне, я чувствую боль в груди, и пока не направлю все ресурсы на ее исполнение, мне не становится лучше. Вот и с вами я почувствовала нужду, когда вы коснулись моей руки перед ужином. Честно говоря, она настолько терзает меня, что я даже спать не могу. А это значит, нужда в вас слишком сильна. Ваша половина очень страдает, потому что вас нет рядом. Она уже готова принять вас. Самое главное, когда мне сейчас в голову пришла мысль, что, возможно, это душа вашей жены, нужда чуть дырку мне в груди не сделала – значит, я на верном пути.

Рэнульф пересадил меня в кресло и подошел к окну. Потом глухо спросил:

– Ты когда-нибудь чувствовала подобные чувства в отношении других веров?

Я сконфуженно заерзала в кресле. Не получив ответа, глава, повернувшись ко мне, напомнил:

– Я жду.

Я тяжело вздохнула и ответила:

– Первый раз была моя нужда, которая заставила меня отправиться в Берлин на выставку. Там я увидела трех мужчин, еще не зная про веров. Один из них попытался вернуться в лифт, в который я села, потом его спутник гонялся за мной по этажам и обнюхивал мою дверь. Я тогда сразу сбежала. Правда, потом тот вер, которого Ник назвал Жаком, пытался поймать меня на работе, в офисе, зачем-то покушался на моего шефа. Короче, я опять сбежала. Этот Жак меня жутко пугает, а выяснять, кто там из них моя половина, когда пятки горят... Ну а второй раз это была нужда Николаса. Поэтому я не поддавалась искушению и решила остаться с ним в дружеских отношениях. Опять же, слава богу. Потому что не представляю, что бы потом делала, не испытывая к нему истинных чувств. Но нужда Николаса пока еще слабая.

Возможно, его пара совсем маленькая, либо не совсем созрела для создания семьи, но она уже в нем нуждается. Вот пока и все.

Он присел передо мной на корточки и, взяв мои руки в свои, с дикой, неприкрытой жадой и надеждой в глазах, хриплым голосом, полным муки, спросил:

– Скажи мне, что ты не врешь, что это действительно правда. Скажи, что у меня есть надежда найти и вернуть Мэйдю. Ну скажи же мне!!! И где мне ее искать, даже если это не правда.

Освободив руку, я провела ладонью по его щеке, вытирая одинокую слезу, и поклялась:

– Все, что я сказала, – правда. Так я чувствую. Поверь мне, только где искать, я пока не знаю. Когда придет подсказка, скажу. Я чувствую ее нужду, а вот адрес мне провидение еще не подсказало. Но ведь она вер, а места вашего обитания ограничены и численность небольшая.

Он резко вскочил и подошел к карте, прикрепленной к стене рядом со столом.

– И куда, как ты думаешь, мне ехать? Европа, Африка, а может, Северная Америка?

Меня будто током прошибло. Я резко дернулась, пытаюсь восстановить дыхание, и прохрипела замершему в тревожном ожидании веру:

– Нам придется поехать в Северную Америку! Она немаленькая, и поиски могут затянуться, мы же ее прочесывать будем.

Рэнулф подскочил ко мне, схватил в охапку и закружил по комнате.

– Спасибо, спасибо, всевышний, что привел ее ко мне и даровал надежду! – Затем остановился и радостно рыкнул: – Входите уже, а то вы там, наверное, дыру в полу протерли, подслушивая.

В комнату вошли встревоженные Изабель, Коннор и Николас.

Глава клана усмехнулся:

– Так-так, мои внуки, надо полагать, опять гулять-развлекаться отправились. Коннор, твоя сегодняшняя наука их не вразумила. Теперь по делу: послезавтра на совете я признаю Милану и передам тебе право главы клана, сын. Пришло твое время. Тебе, Изабель, я буду благодарен за Милану, пока не стану пеплом.

Николас вышел вперед и твердо сказал:

– Я еду с вами, тебе потребуется помощь.

– Нет! – резко отказал Рэнулф.

Я почувствовала прилив еще чьей-то нужды и крикнула:

– Да!

Оба счастливилика недоуменно посмотрели на меня, и я пояснила:

– Ник должен ехать, лорд Рэнулф, я чувствую, его нужда и ваша связаны, не знаю как, но мне это очевидно. Он поедет с вами.

Подойдя к Николасу, печально посмотрела на него, опасаясь потерять друга, и повинилась:

– Прости меня, Ник! Я сразу не сказала тогда, на острове, но... просто она еще нечеткая. Думала, Изабель тебе сама расскажет.

Он сгреб меня в охапку и, зарывшись в мои волосы, взволнованно пробормотал:

– Мне жаль, что это не ты. Но я счастлив, что не придется ждать, как, например, главе Морруа.

– Опять этот Морруа? – Я отстранилась от Ника, потирая грудь.

– О! Тьерри Морруа побил все рекорды неудачников – прожил тысячу двести лет, но так и не встретил свою половину. У него такой тяжелый нрав, что даже в своем клане его боятся до дрожи в коленках. Ну что, у нас есть два дня собраться в дорогу? Скоро светает, давайте отдохнем и завтра на свежую голову подумаем, что делать дальше.

Ошарашенные Изабель и Коннор молча покинули кабинет главы. Я поцеловала на прощание обоих Макгрантов и вприпрыжку понеслась к себе под счастливый хохот провожавшего

меня Николаса. Уже засыпая, я ощутила, насколько сейчас счастлива. Болото печали и страданий после смерти моих родных, в котором я так долго находилась, сменилось твердой почвой.

* * *

Спускаясь на завтрак, я услышала настойчивые голоса глав дружественных кланов. И хоть подслушивать нехорошо, да еще вчера Рэнулф прекрасно слышал своих родных за дверью, я замерла на ступенях. Хорошо слышался раздраженный голос Рэнулфа и вкрадчивый Хавьера:

– ...я хорошо тебя знаю, неужели ты поверил этой девочке? Ведь она элементарно может ошибаться, а ты будешь выглядеть дураком в глазах всех веров, погнавшись за призрачной надеждой и таскаясь с ней по всему свету.

– Нет, Отерро, тебе меня не понять, потому что ты скоро вернешься домой и сможешь обнять свою Люсию. Тебе не понять, каково это – приехать домой и пропускать сквозь пальцы прах своей любимой. Ты не сможешь понять, каково это – хоронить полуистлевшие тела своих дочерей. И сознавать, что пока ты игрался в глупые мужские игры, кто-то жестоко издевался и убивал тех, кого ты любишь больше жизни и кого так подвел, не защитив и практически бросив на растерзание монстрам в человеческом обличье. Тебе не понять, каково это – век за веком проживать каждый день и помнить, чувствовать, как внутри умирают жалкие клочья души. И наконец, приходит светлая невинная душа и дарит то, что ты слишком долго ждал и никогда не надеялся получить вновь. Надежду! Надежду все исправить и начать все заново. Ради призрачной надежды я не только Канаду – всю планету проползу.

– Но, Рэнулф...

– Мне абсолютно плевать, как я буду при этом выглядеть. И еще, я хочу тебе напомнить, если ты забыл, Хавьер, что все двадцать две полукровки обладали даром, из-за которого многих погубили. Почему ты уверен, что ее дар не может заключаться в том, чтобы находить пары. Ты вдумайся, как это многим из нас облегчит существование. Как только мы найдем Мэйдию, Милана станет сенсацией. Существом для поклонения. К ней записываться начнут на годы вперед, чтобы она страждущим помогла. Скольких она сможет осчастливить, изменив нынешнее пресное существование, подарив смысл жизни. Подумай об этом!

Хавьер взревел:

– Ты прав! Прости, я не смогу понять, что ты пережил, но ведь я тоже многих хоронил и терял. Но и ты пойми, ты – последний из моих друзей, и я дорожу тобой. Два месяца ходят слухи, что весь клан Морруа поднят на уши, они ищут кого-то, ищут уже два месяца. Ночью мне доложили, что Жак с десятью лучшими бойцами клана появился в Эдинбурге. Я не верю в случайности, Макгрант. Тот факт, что ваш клан в данный момент напоминает растревоженный муравейник, который находится на осадном положении, и то, что ты неожиданно решил удочерить девочку и держишь меня здесь как свидетеля, говорит о многом. Я уверен, что Морруа охотятся за ней. Если Милана с ними практически не пересекалась и вряд ли успела перейти дорогу, вывод напрашивается сам собой: она пара кого-то из них. За ней гоняется по всему миру сам Жак – значит, преследует либо свои интересы, либо главы. Сам знаешь, чем это вам грозит. Я надеюсь, ты еще не забыл, кто такие Морруа? И помнишь, что лучших убийц и бойцов нет ни в одном другом клане. Тьерри лично готовит лучших из них, и сейчас они на вашей территории. Я не думаю, что ее дар, будь он трижды замечательный, стоит жизни твоих людей.

Его прервал уверенный и твердый голос Рэнулфа, от которого мне стало чуть легче дышать:

– Отерро, я знал Тьерри еще двенадцатилетним мальчишкой. Он никогда не забудет, кто в свое время помог ему выжить. Я всегда был на его стороне и поддерживал его притязания на титул главы кланов. Я больше чем уверен: в открытую войну со мной он вступать не будет. Особенно после официального признания Миланы моей дочерью. Она сама сможет выбрать

себе пару, и наш клан не будет ответственен за ее выбор. Достойная женщина станет свободной, но под нашей защитой и по закону кланов. Морруа уже ничего не сможет сделать. Нам надо продержаться всего двое суток, до совета.

Они резко замолчали, когда я встала перед ними. Рэнульф и Отерро испытующе посмотрели на меня. Я вытерла слезы и, развернувшись, пошла к себе. Ясно: счастье помахало мне ручкой. Упала на кровать и, свернувшись клубочком, опять заплакала. Нет в жизни счастья. Сначала плакала и печалилась, что слишком свободна и совсем одна, а теперь, что не свободна и чересчур не одна. Через полчаса ко мне пришла Изабель, легла со мной рядом и проворчала в потолок:

– Ох уж эти мужчины! Сначала наворотят дел, а женщины потом расхлебывай. Милана, дорогая, не переживай за нас, ладно? Мы бы в совершенно безнадежное дело не ввязывались. Тем более ради безразличного нам человека. Ты же понимаешь? Не волнуйся, вместе мы со всем справимся. Особенно сейчас, когда, благодаря тебе, глава наконец проснулся и снова хочет жить. Ник надежду обрел. И вообще, давай завтра шопинг устроим, нервы подлечим и к совету надо что-нибудь подобрать сногсшибательное. Люблю я Конни нарядами шокировать, он так весело ревнует, закачаешься! Мужчин предупредим, чтобы они нам охрану подготовили заранее, а то потом вообще никуда не пустят.

Я повернулась к ней и спросила:

– Изабель, скажи, а этот Тьерри, какой он?

Самая лучшая в мире подруга, помолчав, с тяжелым вздохом поведала:

– Я видела его раз десять, не больше, но этого хватило. Тьерри очень высокий, крупнее многих, у него обезображено лицо. Скорее всего, следы от серебра, я так думаю. Свекор молчит и правды не говорит, хотя прекрасно знает, откуда шрамы. Глава Морруа чудовищно сильный, недаром уже в четыреста отвоевал свой трон, но он еще и умный, зараза, потому что больше семисот лет правит и никто его свалить не может. Я не помню, когда последний самоубийца ему бросал вызов. От него такая темная аура исходит, даже если не хочешь, голову склонишь и позорно шею подставишь, преклоняясь перед ним. Он жестокий, как дьявол, и холодный, как айсберг. Никого не любит и дорожит только тремя верами своего ближнего круга: Жаком, Полем и Рене. Жак – его правая рука и абсолютно неуправляемый тип. Короче, все Морруа – это темные лошадки, которым не стоит переходить дорожку. Одно я точно знаю: Тьерри блюдет свою честь, как ни один другой вер – никогда не предаст и оплатит за добро. Он обязан жизнью Рэнулфу, но я уверена, найдет способ обойти все подводные рифы, чтобы добраться до того, что ему нужно. Лучше нам быть начеку.

Я слушала, затаив дыхание, как страшную сказку. Но на душе странным образом после этого разговора стало легко.

Глава 7

Шопинг – это здорово!!! Особенно с Изабель. Мы скупили половину магазина нижнего белья, затем выбрали себе по несколько пар обуви, а потом пошли искать себе платья для совета. Выбирать с Изабель одежду оказалось занятно. Для нее не существует стереотипов, авторитетов и слово мода отсутствует в ее словаре. Но при этом она великолепно, стильно и модно выглядит. Совершенная женщина, которую многие провожают восторженными взглядами, нарываясь на суровые взгляды ее секьюрити.

Отправив в машину первую партию покупок, мы пошли в кафе, подкрепиться перед вторым заходом. Шопинг – это еще и утомительно. Наслаждаясь мягким вкусом латте, я с огромным интересом слушала Изабель, которая рассказывала о своем детстве, молодости... о том, что случилось за ее довольно длинную жизнь. Представляя Изабель в образе средневековой дамы из купеческого сословия, я, приоткрыв рот, слушала историю ее знакомства с Коннором. Как ее, стопятидесятилетнюю волчицу, похитил из семейного поместья на севере Англии шотландский оборотень, возраст которого к тому моменту перевалил пятисотлетний рубеж. Их приключения и зарождающиеся отношения привели меня в неопиcуемый восторг. Эта история стала для меня шедевром любовного и приключенческого романа. Изабель с Трентом смеялись надо мной, словно над маленьким ребенком, который все время требует новую сказку.

Через пару часов, отдохнув и подкрепившись, мы дружно выразили желание отправиться покорять новые вершины шопинга. И тут все мои спутники практически одновременно напряглись и настороженно уставились на дверь кафе. Все телохранители, встав с мест, заняли защищающую нас позицию. Я почувствовала неуволимо знакомый, темный, пугающий запах, от которого все волосы на моем теле встали как по команде. Вслед за запахом в поле зрения появилось трое мужчин-веров. Благодаря моему новому, переродившемуся обонянию, я теперь без труда улавливаю легкий звериный аромат, исходящий от оборотней. Узнав мужчину, вставшего впереди двух других, я испугалась: что же будет?

Жак, презрительно прищутив черные глаза, вплотную подошел к нашим телохранителям и, потянув носом, игнорируя их, обратился к Изабель, настойчиво косясь на меня:

– Приветствую вас, леди Макгрант. Клан Морруа требует передачи нашей женщины нам. Я надеюсь, вы понимаете, что она в любом случае станет Морруа. Я предлагаю сделать это, хм-м-м... без лишних проблем для вас и не столь обременительно для нас.

Изабель зашипела рассерженной кошкой:

– По какому праву, мсье Жак Морруа, вы обозначаете дочь Макгрантов вашей собственностью? Последние два месяца вы, словно бродячий пес, таскаетесь по всему миру. Вы искали ее? Интересно, для себя или для своего хозяина?

Жак с застывшим лицом впился в Изабель страшными ледяными глазами, отчего у меня по спине побежал холодок. Я машинально положила руку на плечо подруге, чтобы успокоить. Заметив мой жест, Жак перевел взгляд на меня. Странно, его глаза потеплели, из них ушел убийственный холод. Даже его голос приобрел мягкие обволакивающие нотки, которые, однако, совсем не вязались со смыслом заявления:

– Я вижу, наша девочка с более ясной и разумной головой, чем вы, леди Изабель. Это меня радует! Вам я все прощаю как женщине. Но не забывайте, леди, перед вашим кланом долг чести только у Тьерри, а ко мне лично это ни коей мере не относится. Насколько я помню, у вас двое еще таких юных сыновей и муж в самом расцвете сил. Если бы я хоть на секунду предположил, что подобные слова вам в голову вложил кто-нибудь из них, боюсь, вы бы недо считались кого-нибудь из родных. Возможно, и всех сразу.

Изабель, побледнев, гордо вскинула голову:

– Я уже выросла из пеленок, Жак, и еще не настолько стара, чтобы не отвечать за свои слова. На твои угрозы я отвечаю: любой, кто посягнет на жизнь моих близких, рискует получить врага в моем лице. Любопытно, какая слава ждет мужчину, которому придется сражаться с женщиной.

Изабель взяла меня за руку и, обойдя «темное трио», двинулась к выходу. Проходя мимо Жака, я украдкой посмотрела на него. Странно, почему я ничего к нему не чувствую, кроме страха, конечно же, если он моя судьба и половина. Поймав мой взгляд, «несудьба» схватил меня за руку и, удерживая в дверях, прорычал, явно теряя терпение:

– Слушай меня, девочка, тебя так долго ждали и искали! Хватит бегать, ты только прине-сешь им неприятности. Пошли со мной – и ты получишь все, что пожелаешь. Весь мир встанет перед тобой на колени.

Я испугалась его хватки, его грозного приглашения из разряда осчастливить насильно – а затем меня накрыла его нужда: будто в холодный омут с головой прыгнула. Согнувшись пополам от ощущения, будто мне пнули в живот, попыталась вдохнуть. Секунда-другая, вдох-выдох, нет, Жак, к моему огромному облегчению, – чужая половина. Я чувствую чью-то нужду в нем, причем настолько острую, что она причиняет мне нестерпимую боль. Похоже, та, что является половиной Жака, очень сильно страдает и не только психологически. Абстрагировав-шись от чужой тоски и боли, услышав грозное рычание, нецензурную речь на английском и французском, я открыла глаза.

Началось! Я на руках у Трента. Французы отеснены в сторону от выхода шотландцами. Судя по внешнему виду и тех и других, только присутствие в общественном месте, наполнен-ном людьми, спасает нашу компанию от немедленной драки и перевоплощения. Подняв глаза, я заметила встревоженный взгляд Жака. Он удерживал на весу Бранта, брата Трента, кото-рый пытался разомкнуть стальные когти у себя на шее, из-под которых на его белоснежную рубашку капала кровь. Уже зная о фантастической неуязвимости оборотней, пугаться за него не было смысла. Тяжело вздохнув, я еще раз оглядела всю боевую компанию и, повернувшись к Изабель, сказала:

– Со мной все в порядке. Трент, отпусти меня, пожалуйста. Кстати, Изабель, я теперь точно знаю: Жак не моя половина. Но его сейчас в жуткой ситуации, я почувствовала ее боль – это что-то страшное. А где ее искать, не знаю, придется ждать подсказок.

Боже, ну зачем мне все это? Я вытерла слезы, осознавая полнейшую беспомощность и бессилие: невозможно помочь совершенно незнакомой женщине. Трент, слушая меня, дви-гался в сторону от конкурирующего клана, не забывая при этом присматривать за Изабель. Скоро наша компания удалилась от кафе и шокированных нашим поведением людей, но от незримого внимания Жака и его спутников мы не избавились. Спиной чувствуя их тяжелые взгляды и терпкий аромат, я попросилась в туалет, и после его тщательной проверки нас с Изабель туда отпустили. Впрочем, я бы не удивилась, если бы нам пришлось справлять есте-ственные надобности в дружной компании телохранителей, судя по их хмурым и напряжен-ным лицам.

Выйдя из кабинки, я застыла, увидев очередной кошмар: яркий высокий блондин зажи-мал рукой рот Изабель, другой – он твердо сдерживал ее отчаянные попытки освободиться. Второй мужчина, о котором в Москве Ник говорил как о Поле, контролировал вход. Прямо передо мной возник Жак и насмешливо заглянул в глаза. Только я собралась открыть рот, чтобы во всеуслышание заорать о наших с Изабель проблемах, Жак выразительно замотал головой и, приложив к моим губам палец, прошептал:

– Ты же не хочешь, чтобы мы сделали больно твоим друзьям?! Будь хорошей девочкой, твоя судьба уже решена. Ты и так слишком долго бегала, уклоняясь от нее.

Я в панике посмотрела в глаза Изабель, которая, увидев мои сомнения, удвоила усилия, пытаясь избавиться из рук блондина, напоминая скорее дикую кошку, чем волчицу. Поль при-

ложил к ее лицу тряпку, зажал нос – и через несколько секунд подругу, словно безвольную куклу, аккуратно уложили на пол. Дальше настала моя очередь: я в ужасе смотрела, как тем же способом вырубают меня. Неприятный запах проник в легкие, сознание медленно сползало в темноту, но все-таки я успела почувствовать, с какой осторожностью мужчины, передавая меня друг другу, вытащили через окно и, спустив по пожарной лестнице, положили в машину, припаркованную в переулке. После этого я отключилась полностью. «Да будет свет!» – сказал монтер, обрезав провода.

* * *

Открыв глаза, я резко села и чуть не взвыла от боли, впившейся в мою ватную голову тысячами иголок. Пришлось, зажмурившись, стиснув зубы и согнувшись пополам, пережить приступ. Кажется, мне удалось справиться, если бы непрекращающийся гул в ушах. Наконец мне удалось распрямиться и потянуться. Вроде ничего страшного, руки-ноги целы и слушаются. Осталось разобраться, куда я попала и, главное, как отсюда можно выбраться.

Никак! Вскоре по обстановке и характерному звуку двигателей до меня дошло, что нахожусь в самолете. Отсюда и давление, и гул в ушах. Волею Жака Морруа и его подручных меня занесло на бизнес-джет, которыми летают весьма богатые люди. Хорошая кровать, даже с виду удобные кресла, полки, подставки, мини-бар, пресса. На похожем судне я летела с Ником в Эдинбург. Вот только в данный момент мне не порадовало, как в прошлый раз. И куда же меня везут с таким комфортом?

Внимательно оглядывая уютный салон, я почувствовала странный аромат, который настойчиво лезет в нос и, казалось, постепенно проникает в каждую пору моей кожи, вызывая безотчетную тревогу и... возбуждение. Обволакивая меня, он каким-то образом хочет изменить меня, заодно будоража чувства и обостряя восприятие окружающего пространства и собственного тела. Так и до оборота недалеко. Но не здесь же!

Глубоко вдохнув настырный запах всей грудью, я поняла, что этот аромат мне чересчур нравится, и в этот момент обратила внимание на две двери, расположенные в разных концах салона. Значок туалета на одной. Отлично! Подкралась к другой. Вдохнула, набираясь храбрости, – и приоткрыла дверь. В небольшом салоне вальяжно расположились в креслах Жак и по меньшей мере еще десяток веров. Ух, словно в банку с потревоженными скорпионами попала. В ужасе глядя на похитителей, я отметила, что они тут же заинтересованно уставились на меня. Испуганно пискнув, я захлопнула дверь и рванула в туалет.

Отдышавшись и умывшись, я оценила сервис, с которым летают некоторые уголовные личности, нагло ворующие чужих женщин. Причесалась и заплела косу, еще раз поправила зеленое трикотажное платье. Глубоко вдохнула, пытаясь обрести хоть капельку спокойствия. В нос снова ударил уже знакомый чарующий аромат, от интенсивности которого дрожь волной побежала по телу.

Открыв дверь, я уставилась в необъятную мужскую грудь в черной рубашке, шею, закрытую черным шелковым платком. Удивленно задрав голову, я в упор посмотрела в лицо обладателю широкой и мощной груди. Высоченный, не меньше двух метров, потому что макушкой я еле-еле достаю ему до ключиц. Черные блестящие волосы и такие же черные глаза, идеальные дуги бровей. Нос с горбинкой и тонкие, но четко очерченные жесткие губы, которые вряд ли когда-нибудь улыбались. Твердый, синеватый от щетины подбородок, выдающий упрямый и волевой характер своего обладателя. Лицо не красавчика, но весьма привлекательного мужчины, если бы не одно «но»!

Вся правая сторона его лица покрыта шрамами. Похоже, это следы ожогов. Они захватили часть лба, уничтожив половину правой брови и волосы на виске. Поврежденный внешний угол правого глаза скашивает идеальный разрез и уродует веко. Практически вся щека и

часть подбородка обезображены сморщившейся обожженной кожей, частично закрытой платком. Невольно опустив глаза, я увидела, что руки незнакомца тоже повреждены. Правую полностью покрывают глубокие рубцы, а на левой пострадала ладонь и большой палец.

Я даже в страшном сне не могла представить, какую боль мог испытывать этот мужчина, когда получил страшные увечья. Снова задрал голову, неожиданно для самой себя спросила по-французски:

– Месье, разве у оборотней могут быть шрамы? Я думала, все само собой заживает или восстанавливается.

Усмешка коснулась его глаз, но не лица, когда он решил ответить:

– Могут, если нанести их серебром до полового созревания, пока не прошло объединение.

От мысли, что эти повреждения он получил, будучи мальчиком, я содрогнулась:

– Боже, как такую боль можно было вынести, да еще в детстве?

Мужчина, медленно подняв руку, мягко коснулся моей щеки – странное тепло растеклось по моему телу.

Снова раздался его глубокий рычащий бас:

– Поверь мне, девочка, физическая боль – это еще не самое страшное в нашей жизни!

Запоминающийся голос! Да, не удивительно при таком объеме грудной клетки. Внимательно посмотрела на него и вдруг осознала, что пару минут назад боялась толпы оборотней за дверью, а сейчас стою наедине с одним из них и спокойно задаю глупые вопросы. Нервно сглотив, отступила на пару шагов и уперлась в кровать. Судорожно оглянулась, прошла к креслу. Постаралась не плюхнуться, а плавно опустить в него свою многострадальную пятую точку. Затем, самой себе напоминая тщедушного кролика, уставилась на «голодного удава», усевшись в соседнее кресло. В какой-то момент мне показалось, что ему больно, таким напряженным взглядом он смотрит на меня. Я не выдержала молчанку:

– Кто вы такой? Зачем я вам срочно понадобилась?

– Тьерри Себастьян Морруа, глава европейского совета. Самое главное, отныне я твоя половина и твоя тень. Не бойся меня, я не причиню тебе вреда и никогда не сделаю больно.

Его пронизывающий, пристальный, убеждающий взгляд словно в душу лез. Наверное, я осмелела, потому что с языка само собой слетело:

– Мои друзья и Изабель не пострадали? Вы не причинили им вред?

Главный оборотень Морруа едва заметно качнул головой:

– Нет, они не пострадали. Пока.

Я встревожилась:

– Что значит – пока?

Скользнув глазами по моим до боли сжатым кулакам, Морруа прохрипел, словно ему горло наждачной бумагой обработали:

– Не бойся меня, малышка, я не причиню вреда ни тебе, ни твоим друзьям, пока они тебе дороги!

Хм-м... успокоил вроде. И все-таки...

– Вы – нет, а вот Жак или другие ваши... подданные?

В его глазах снова блеснула усмешка, не задевшая лица.

– Умная девочка! Не волнуйся, без моего приказа никто не посмеет причинить вред твоим друзьям. На тебя даже голос повысится никто не посмеет, не то что дотронуться.

Совсем осмелев и даже почувствовав некоторую уверенность, я попросила:

– Мсье, после той на редкость омерзительной дряни, которой меня усыпили, до сих пор во рту горько и тошнит немного. Я хочу пить, а в баре только алкоголь.

Не отрывая от меня глаз, глава Морруа чуть громче рыкнул:

– Жак, воды!

Через пару секунд вошел Жак, увидев которого, я вжалась в кресло. Он остановился и, неуверенно посмотрев на главу, протянул ему бокал и бутылку. Тот, в свою очередь, не отпуская мой взгляд, налил воды и поставил бокал вместе с бутылкой на подставку рядом с моей рукой. Залпом выпив воду, я нервно смотрела то на Жака, то на дверь, за которой скрывается столько незнакомых, враждебных мужчин. Жак тяжело вздохнул и, уже выходя, предупредил:

– Через полчаса посадка. Транспорт ждет и на месте все готово.

Зябко потерев руки и не обнаружив на пальце кольца Макгрантов, потерянно посмотрела на Тьерри:

– Я потеряла клановый перстень, как же...

– Не волнуйся, малышка, он у меня, – прервал Тьерри, – мы вернем его, потому что теперь ты – Морруа.

– А кто меня об этом спросил? – сделала попытку возразить, в глубине душе сомневаясь, что в силах что-либо изменить, но все-таки. – Я вас впервые вижу. Похитили, погрузили в самолет, куда-то везете. Я могу знать куда?

– Не впервые, мы уже встречались. В Берлине.

– Выходит, в отеле именно вы, мсье, бросились обратно к лифту? – уточнила я.

– Да, – едва уловимая тень досады мелькнула на его лице, – но ты невероятным образом ускользнула. Надолго.

– Вряд ли вы разглядели меня за спинами других гостей. Я тогда краем глаза заметила трех высоких мужчин в темных костюмах, резко выделявшихся в толпе. Если бы потом Жак не испугал меня до полусмерти, бегая по коридорам и стоя под дверью, то вскоре я бы забыла о той встрече, – честно призналась, заметив, как его глаза блеснули от досады и сожаления.

– Твой аромат, Милана. Нежный, тонкий, пронзительный. Так может пахнуть только одна женщина.

– И как же нашли? – я заинтересованно уставилась на него.

Ну очень любопытно стало, ведь я точно знаю, что весьма изменилась за два месяца, и, кроме Макгрантов, никто из веров не догадывался о существовании полукровки-одиночки.

– Ты оказалась загадкой. Ни семьи, ни клана, но и это выяснилось не сразу. Сначала никто не обратил внимания на фото девочки. Подумали, чья-то дочь. Ты выглядишь иначе, – задумчиво признал Тьерри. – Когда, наконец, вышли на тебя, ты прямо из-под носа сбежала в компании Николаса Макгранта. Мне и теперь далеко не все известно. Надеюсь, ты расскажешь о себе.

– Мсье, вы не ответили, куда мы летим, – после недолгой паузы спросила я, решив подождать с личной историей, хотя странное дело – мне стало даже как-то уютно и приятно рядом с этим мужчиной. – Надеюсь, это не секрет?

– Домой, на территорию клана Морруа, во Францию, – подтвердил мою догадку Тьерри. – Тебе должно понравиться там.

Тем временем объявили посадку. Наша поездка в поместье Морруа длилась несколько томительных и тревожных часов. И опять я ловила себя на мысли, что в присутствии Тьерри, более крупного и устрашающего, чем остальные веры клана, чувствовала себя гораздо спокойнее. Сначала разговоры велись односложно, отрывистыми фразами, а потом я и вовсе замолчала и с интересом крутила головой, осматривая окрестности и местные достопримечательности, мимо которых мы проезжали. Тьерри и Жак о чем-то тихо беседовали, поглядывая на меня.

* * *

К средневековому замку, принадлежащему Морруа, примыкают обширные лесные угодья. У парадного входа, к которому ведет хорошо асфальтированная аллея, раскинулась огромная площадка для парковки автомобилей, занятая наполовину. Видимо, здесь не только жителей много, но гости не редкость. В холле меня встретил приличный штат прислуги и, судя по запаху, все люди. Как у Макгрантов, обслуживающий персонал – исключительно люди. Как говорится, не царское это дело – горшки мыть! Помимо прислуги со всех сторон на меня с неподдельным интересом смотрели веры. Среди них я насчитала всего четыре женщины, которые, заметив, что я смотрю на них, довольно искренне и приветливо улыбнулись.

Увидев в первый момент такую толпу и чувствуя позади не меньшее количество грозного вида мужчин, я инстинктивно прижалась к Тьерри, а потом вообще схватила его за руку. Возле него мой островок безопасности, и я следовала за ним, ни на секунду не отрываясь. В какой-то момент поняла, что одной рукой держу Тьерри за рубашку, а второй – обнимаю за талию, при этом он сам крепко, по-собственнически прижимает меня к себе. Попыталась отстраниться, но глава клана только крепче прижал меня, ободряюще посмотрев сверху вниз:

– Я рад, что меня ты боишься гораздо меньше, чем остальных.

Смутившись, я все-таки освободилась из его объятий, но взяла за руку, чтобы не нервничать.

Смуглый брюнет с поразительно зелеными глазами и выдающимся носом, который, впрочем, его совсем не портит, склонив голову в поклоне, хрипло сказал, с улыбкой глядя на меня, но обращаясь к главе:

– Поздравляю, мессир, с добычей! Нелегкая выдалась охота.

Надо же, как в средневековье к сеньору обратился.

– Приветствую вас, Милана Лисовская, отныне Морруа, первая леди клана Морруа и хозяйка этого дома. Теперь это ваш дом. Мы искренне рады вам, дом слишком долго ждал хозяйку.

Тьерри нахмурился, глядя на гостеприимно улыбающегося мне мужчину:

– Милана, это мой троюродный кузен Рене Жан Поль Морруа. Жаловать и любить его не прошу. Более того, запрещаю.

И так странно посмотрел на Рене, что улыбка у того завяла на корню. Кузен поспешно направился встречать приехавших с нами. Оглянувшись назад, я заметила, что Рене, Жак, Поль и остальные с тревогой смотрят в спину Тьерри. Отчего-то нервничают? Я крепче сжала его руку, чуть привалившись к нему. Я устала, очень сильно устала. Но, странное дело, устала «я-человек», а «я-волчица» хотела размяться и побегать. Она тоже устала, но отдохнуть хотела другим способом.

Мое состояние не укрылось от хозяина замка. Он проводил меня на второй этаж в роскошные апартаменты. Гостиная, спальня (или будуар?), гардеробная и ванные комнаты поражали королевскими размерами, изящной, старинной мебелью, красотой интерьера и... количеством нарядов и обуви в гардеробе. Заметив мой недоуменный взгляд, хозяин замка пояснил:

– Как только мы вычислили тебя в Москве после исчезновения в Берлине, узнали твои размеры, привычки, пристрастия и заранее подготовили все необходимое на первое время. Пока ты сама не захочешь заняться шопингом.

Тьерри смотрел на меня, ожидая реакции. И она не заставила себя долго ждать:

– Тут добра столько, что с шопингом можно не торопиться лет этак десять.

– Милана, я прожил больше тысячи лет и за это время успел собрать так много всего, что ты спокойно можешь купить себе какую-нибудь страну ради развлечения, а об одежде и говорить не стоит.

Я зачарованно смотрела на едва наметившуюся улыбку на его лице и тоже неуверенно улыбнулась. Но все-таки ехидно заметила:

– Да куда уж мне, с двадцатью пятью против твоей тысячи.

Улыбка пропала, словно дымка, а в его глазах появилась грусть.

– Малышка, тебя это беспокоит?

Я отрицательно покачала головой.

– Когда смотришь на вас, веров, то возраст – это последнее, о чем задумываешься. Я вижу сильного мужчину, а не тысячелетнего оборотня.

Смутившись от собственной откровенности, я пошла осматривать свои апартаменты второй раз. Выглянув в окно и увидев лес, попросила, сомневаясь в правильности того, что делаю:

– Я бы хотела немного размяться в лесу. Хм-м... Ну ты меня, надеюсь, понимаешь, как!

Она очень хочет побегать, лапы размять.

Кивнув, Тьерри вышел и вернулся с халатом, предложив взять то же самое и мне. И направился к двери, взглядом приглашая меня за собой. Возле черного входа он начал раздеваться, а я снова смутилась, не зная, что делать. Раздеваться было стыдно, а наблюдать за ним – еще хуже. Он уже снял платок и рубашку, а я, замерев, смотрела на покрытую старыми рубцами и ожогами кожу на спине, плечах и руках. Неприятно мне не было, потому что его идеально развитое мускулистое тело поражало мощью и истинно мужской красотой. А шрамы? В конце концов, не зря же люди говорят, что шрамы только украшают мужчину.

Напрочь забыв о стеснительности, приличиях... да обо всем забыв, я жадно рассматривала его голый торс и только спустя бог знает сколько времени поняла, что он с таким же интересом следит за моей реакцией на свое тело. Покраснев, сглотнув и потоптавшись под его немигающим взглядом, я решительно подошла к нему и, прилагая усилия, развернула спиной к себе. Потом, быстро раздевшись, обратилась к Милке, отключившись от окружающей действительности.

Через секунду мы с ней слились в единое целое, и она, снова практически захватив мое сознание, ринулась к лесу, радостно повизгивая. Услышав позади себя движение и обернувшись, увидела огромного черного волка, шерсть которого местами словно сединой покрыта, как ожоги на теле человека. Волк двигался с непередаваемой грацией большого хищника, одновременно внушая страх и уважение. Сев на землю, я с восхищением смотрела на приближение этого мощного свирепого чуда природы. Он осторожно приблизился и, скользнув мордой мне по уху, легонько укусил за холку. Я напряглась вместе с Милкой, но странное возбуждение, разлившееся по всему телу после укуса, вызвало удивление и жаркое томление внизу живота. Хорошо, волки не краснеют, поэтому, рыкнув, я снова бросилась наутек. Так мы и носились часа два по лесу, иногда затевая дурацкие детские игры. К нам пытались присоединиться другие волки, но, встречая угрожающий рык Тьерри, спешили удалиться.

В замок я вернулась приятно утомленная. Легла немного передохнуть перед ужином и не заметила, как уснула. Странно, но сегодня меня не мучили ужасные сны, наполненные страхом и отчаянием.

Глава 8

Положив себе на тарелку прямо-таки неприлично большой кусок умопомрачительно пахшего приправами мяса и горку салата из свежайших овощей, я наслаждалась местной кухней. Не забывая ненавязчиво наблюдать за членами семьи и гостями. Вчерашний ужин и сегодняшний завтрак я проспала, что называется, без задних ног. И вот теперь, сидя за огромным столом в помпезной столовой, пополняла растраченные калории и силы, одновременно удовлетворяя любопытство. Напротив нас с Тьерри расположились Жак с Полем, Рене и двое гостей, оборотней из Марокко, представленных мне как братьев Тарик и Амин Кар абд Дан.

Эти двое арабов нервировали меня больше, чем остальные Морруа. Особенно их черные немигающие глаза, напоминающие взгляд кобры во время охоты. Тарик является членом европейского совета, а его брат – правая рука их отца, главы клана, и сюда они прибыли, чтобы обсудить с Тьерри некоторые свои проблемы. Когда им представили меня, я с трудом заставила себя не спрятаться за широкую спину Тьерри и вымученно улыбнуться, слегка кивнув головой.

И тем не менее, сутки без еды положительным образом сказались на моем аппетите, несколько не пострадавшем от присутствия непонятных гостей. Они начали обсуждать дела за столом, и я поняла, что наши интересы граничат на юге и они наши давние союзники. В данный момент другой клан претендует на часть их северных территорий и нагло лезет в коммерческие дела. Но главное, союзники получили неопровержимые доказательства того, что давний враг клана Морруа и лично Тьерри – Фабиус де Лавернье жив-здоров, обосновался в Бразилии и готовится нанести удар по Морруа. Услышав эту новость, все Морруа за столом замолчали и выжидающе уставились на Тьерри. От вида его горящих ненавистью глаз мне стало страшно. Он побледнел и прорычал:

– Благодарю вас за информацию, Тарик, я в долгу не останусь. Рене, займешься решением их земельных вопросов. Через трое суток их проблема должна быть решена, каким образом – на твое усмотрение. Поль, ты полетишь в Бразилию и соберешь всю информацию по Фабиусу и доложишь мне. По этому вопросу все решения принимаю я лично. Ты меня понял?

Проглотив последний, с трудом влезший в меня кусок, я неожиданно для себя отпила вина и вдруг почувствовала боль в груди. Бразилия! Ее нужда зашевелилась и подала знак! Я вперилась в Жака, обратившегося к Тьерри:

– Монсир, почему я не могу заняться этой проблемой? В Южную Америку должен ехать я!

Тьерри, раздувая ноздри, слишком спокойно возразил:

– Нет, ты останешься со мной, поедет Поль. Я так сказал!

Через чужую боль, сдавившую мне грудь, я выдавила:

– Должен поехать Жак, там его ждут. Очень ждут! И ей все хуже, я даже не могу отстраниться от ее боли.

Я глубоко вдохнула и, наконец отделив от себя чужие чувства, пришла в себя. Подняла голову и увидела, что все как-то странно смотрят на меня, в том числе и Тьерри, озабоченно спросивший:

– О чем ты говоришь, родная моя?

Он наклонился ко мне и, взяв за руку, пристально посмотрел мне в глаза. Я потеряла виски, потому что начала болеть голова, и вкратце рассказала о том, что чувствую, когда проявляется чья-то нужда. Все с самого начала, со школы. И еще раз повторила:

– Просто поверьте, должен поехать Жак. Мне тогда в кафе, в Эдинбурге, плохо стало, когда он меня за руку взял, а сейчас еще хуже. Значит, ей совсем плохо, обычно я не чувствую подобную боль, только напряжение и зов, а эта боль разрывала грудь. Он должен поторопиться.

Тьерри вопросительно посмотрел на бледного Жака, и тот утвердительно кивнул.

– Да, я схватил ее за руку, пытаюсь убедить пойти с нами по-хорошему, но она вдруг побледнела, а потом вообще сознание потеряла. Я думал, ей от страха плохо стало. – Повернувшись ко мне, он отчаянно спросил: – Почему вы мне не рассказали еще тогда?

А я, устало откинувшись на спинку стула, ответила:

– Вы не понимаете природы моего дара. Я чувствую, что в человеке нуждаются, ну, то есть у него есть возможность получить вторую половинку, когда та готова сама принять и начинает нуждаться. Понимаете? Но я не могу сказать точный адрес или место, где ее найти. Мне приходится ждать подсказок, вот как сейчас с Бразилией вышло. Я теперь точно уверена, что ваша половина, мсье, находится в Бразилии и она как-то связана с вашим общим врагом. Она там тяжело страдает. Если вы поедете туда – значит найдете ее. – Еще раз глубоко вздохнув, заметила: – Надеюсь, она будет жива к тому моменту.

Жак в ужасе посмотрел на меня, потом на Тьерри, который задумчиво рассматривал стол:

– Хорошо, Жак, возьми лучший отряд и выдвигайся.

Жак, выслушав приказ, мигом поднялся и словно ангел мести ринулся вон. А Тьерри, проводив его задумчивым взглядом, повернулся ко мне. Я горько усмехнулась и, глядя на клановый перстень Морруа на своей руке, с огромным бриллиантом, обрамленном вязью неведомых символов, который надела сегодня, внутренне готовясь к проблемам, сказала:

– В Берлин я полетела, потому что почувствовала твою нужду. Там, возле лифта в отеле, когда ты рванул обратно, я ее тоже почувствовала, но не поняла, кто именно из вас троих. Потом возле моего номера в коридоре увидела Жака и так перепугалась, что сразу сбежала в Москву. Через месяц улетела на Таити отдыхать, как будто чувствовала погоню. Когда вернулась обратно, было страшно уже по другой причине, особенно после того, как выяснила, что же я собой представляю. Повезло, что меня Макгранты к себе забрали. Я чуть с ума тогда не сошла. И если бы они чуть раньше морально меня немного не подготовили к будущему объединению, то, думаю, сейчас бы не с вами сидела, а бегала бы по лесам на родине, не в силах понять, кто я такая. Хотя, вполне возможно, мне бы не повезло, как в прошлый раз, и меня бы другие веры поймали. Даже не представляю, что бы было тогда. Судя по всему, не все оборотни благородные, как Макгранты. Они меня два раза уже спасали, а я их чуть не подвела. Но ведь я все время думала, что нужна Жаку. И не могла понять, почему, когда он рядом, чувствую только страх. А потом, когда в офисе своей фирмы снова с ним увиделась, опять сбежала. Интересно, почему ты сам не искал меня?

Я вопросительно уставилась на Тьерри. Он смотрел на меня горящими глазами, сжимая в руке согнутую пополам вилку.

– Я искал тебя все время, единственная моя. Но мои поиски привлекли слишком много внимания к твоей персоне. Я не мог подвергать тебя дополнительному риску, давая понять всем и каждому, что ты моя женщина. Слишком многие захотели бы сделать мне больно, навредив тебе. Основные поиски вел Жак, но я все время незримо следовал за ним. Мы проверили всех членов берлинской выставки. Триста человек. Каждую женщину, пока не наткнулись на твое досье и не вышли на строительную компанию. Тебе все время удавалось ускользнуть.

Он печально посмотрел на меня. Я с улыбкой кивнула, мол, принимается. Заметив очень привлекательные кремовые пирожные на другом конце стола, подумала, что мой желудок можно еще немного растянуть. Привстав, я протянула руку и, взяв пару пирожных, собралась получить удовольствие от французского кондитерского шедевра. В этот момент ко мне подошли братья абд Дан и с отчаянной, жадной надеждой в глазах спросили:

– Подобный дар впервые появился в нашей истории, это прибавит веса клану Морруа. Вы через прикосновение чувствуете чужую подругу? Или близкий контакт не обязателен?

Торопливо проглотив остатки пирожного и запив его водой, осторожно ответила:

– В первый раз надо дотронуться, потом – как получится.

Тарик, резко протянув руку, схватил меня за запястье. В следующую секунду раздался жуткий рев и, обернувшись, я заметила, что сбоку от меня стоит Тьерри, лицо которого от бешенства, пылающего у него в глазах, уже частично прошло трансформацию и выглядело ужасающе. Он схватил за руку марокканца и едва не вырвал ее из плечевого сустава, заставив его встать на колени перед собой.

– Моя! Вы слышите, она только моя, никто не смеет к ней прикасаться, кроме меня. Моя! – его дикий рев, наверное, слышал весь замок.

Я видела, с каким трудом Тьерри пытается удержаться и не разорвать горло «сопернику», который, не шевелясь и склонив голову набок, покорно подставляя шею, безмолвно ждал решения своей участи. Его брат Амин в тяжелом напряжении, словно натянутая струна, ждал развязки, не отрываясь глядя на Тьерри.

Наконец глава Морруа отбросил от себя Тарика и, повернувшись в мою сторону, не сразу понял, где я. Потом, осторожно подняв скатерть, заглянул под стол. Я отметила, что сейчас он снова выглядит нормально, вполне по-человечески, и с немым вопросом в глазах смотрит на меня, согнувшись в три погибели. Почувствовав себя неловко, я пробормотала, показывая ему вилку:

– Ну... я тут вилку искала. Что поделаешь, вилки иногда имеют свойство падать.

Вылезла из-под стола и, покраснев, села на стул. Остальные свидетели инцидента пристально наблюдали за главой, словно за неразорвавшимся снарядом. Братья абд Дан, принеся мне и Тьерри извинения, быстро удалились, провожаемые его тяжелым взглядом. Вечер был откровенно испорчен, и я, недолго помаявшись, ушла к себе.

Глава 9

Я пыталась уснуть, но ничего не вышло из-за навязчивого ощущения тревоги и беспокойства. Бесцельно пометавшись по комнате, застыла возле окна, всматриваясь в ночные тени, пока не почувствовала, что за дверью находится Тьерри. Прислушалась – тишина, но его притягательный аромат вражеским диверсантом пробирался ко мне, устраивая беспорядок в мыслях и чувствах.

Он оказался первым мужчиной, на которого среагировало мое проснувшееся либидо, причем сейчас незамутненный первой трансформацией рассудок полностью контролирует ситуацию. И я могу уверенно сказать себе, что хочу его. Хочу только его и никого больше. Ни его шрамы, ни жуткий нрав не пугают меня. Рядом с ним я чувствую себя самой красивой, самой лучшей и самой нужной. Единственной! То же самое можно сказать о нем. Я восхищаюсь им и удивляюсь. Но меня беспокоит факт предопределения. Неужели он стремится быть со мной только потому, что его заставляет парный инстинкт?

Да, верам легко следовать своим инстинктам и верить им. Но ведь я меньше месяца вер, вер-полукровка, многие их привычки, повадки и правила шокируют меня. Ведь я выросла и воспитана на человеческих правилах и ценностях. Да и вообще, мне просто трудно поверить кому-то настолько, чтобы отдать себя. Ведь это не человеческий союз, где не понравилось – ушел к другому или развелся, и все проблемы решены. У веров пара на всю жизнь, которая может продлиться очень долго. Даже тот факт, что между нами огромная разница в возрасте, давит на меня. Ведь я не столь умна, как он, не так много видела, не имею столько опыта и знаний. Ну... и еще одна сторона жизни меня очень беспокоит. Секс!

Я ничего не умею, не знаю, а вдруг я ему не понравлюсь или быстро надоем. И хотя Изабель говорила, что мужчина никогда не сможет изменить своей паре, в отличие от женщины, мне в это слабо верится. Я настолько долго была одна, считая себя ущербной и не надеясь на семейное счастье, довольствуясь только любовью моих родных, что после их гибели моя душа покрылась холодной коркой льда.

И вот сейчас у меня появилась возможность обрести счастье, отогреть наконец свою душу, надо только решиться и протянуть руку, чтобы мечта осуществилась. Надо только отбросить предрассудки и страх перед неизвестностью, чтобы получить этот шанс. Страшно, и в то же время сегодняшняя бурная вспышка ревности и инстинкта собственника говорит в мою пользу. Я так устала чувствовать себя одинокой птицей, взирающей на бурлящую внизу жизнь, паря в холодных пустых небесах. Прислонив ладонь к прохладному стеклу, я тихо прошептала в темноту:

– Помоги мне, Боже, разрушить стену одиночества и подари дом, где меня будут любить и беречь.

Мои раздумья прервал стук в дверь, а через мгновение в комнату вошел предмет моих тревог. Оглядев меня с ног до головы, он предложил:

– Хочешь прогуляться со мной в лесу.

Посмотрев на темное окно, я отрицательно покачала головой. Снова показалось, что в глазах Тьерри мелькнула боль. Пару долгих мгновений он смотрел на меня, потом кивнул и вышел за дверь, унеся с собой невысказанное. Я присела на диван и попыталась понять, что сейчас между нами было. Погипнотизировав дверь еще минут пять, подошла к ней и, набравшись смелости, резко, чтобы не передумать, толкнула.

Тьерри, усевшись на полу напротив моей двери, прислонился к стене и удивленно смотрел на меня. Легко поднялся и подошел ко мне. Глядя мне в лицо с непередаваемой нежностью, кончиками пальцев левой, менее поврежденной руки ласково коснулся моей щеки. Не может

так смотреть равнодушный человек! Склонив голову набок, я прижалась к его руке щекой и тихонько попросила:

– Пригласи меня в гости, покажи, как ты живешь. Пожалуйста.

Его глаза блеснули от радости. Отступив на пару шагов, он сделал приглашающий жест в сторону двери напротив моей:

– Прошу.

Такие же апартаменты, как у меня, но выдержанные в более темных тонах и с более массивной мебелью. Неудивительно, с такими-то габаритами. Я медленно прошла по комнатам, интересуясь малейшими деталями, чтобы лучше узнать мужчину, предназначенного мне самой судьбой. Заметив на рабочем столе стопку своих фотографий, я удивленно оглянулась и увидела его позади. Подойдя вплотную, Тьерри начал поглаживать мои плечи, потом руки. Затем, крепко прижав к себе, склонился и, зарывшись в мои волосы, шумно вдохнул.

По моему телу побежали довольные мурашки. Я чувствовала, насколько возбужден Тьерри, и, испытывая то же самое, решила хоть раз в жизни отпустить ситуацию в самостоятельное плавание. Слишком долго я была девственницей, и прямо сейчас хочу ощутить: каково это – чувствовать себя желанной и нужной; да что там – единственной! Я повернулась к нему и замерла, всматриваясь в горящие огнем желания глаза. Обхватив мое лицо руками, он большими пальцами начал поглаживать скулы, щеки, потом спустился к губам. Я млела от нежных прикосновений мужских рук и жара, исходящего от его большого тела.

Постепенно внизу моего живота разгорался пожар. Ноги подкашивались, я схватилась за его рубашку, чтобы удержаться. Когда наши губы встретились, по делу разлилась сладкая дрожь. Такие ласковые и нежные губы вскоре сминали и полностью поглощали мои, требуя, покоряя, заставляя повиноваться. Вкусный, нежный, сильный – непередаваемо чувственные ощущения для моего первого поцелуя.

Голова перестала работать, остались лишь чувства и эмоции, которые с каждой секундой все нарастали. Я начала задыхаться, и он, оторвавшись от моих губ, принялся целовать, покусывать и облизывать шею и ухо, заставляя стонать. Запрокинув голову, я ошеломленно заглядывала в почерневшие глаза, в которых увидела обожание. Выгнулась и сильнее прижалась к Тьерри, жаждая одного – физической близости. Пришло время отдаться давно сдерживаемым желаниям. Я ощущала, как вождение кричит в каждой клеточке истосковавшегося тела. Обняла его плечи и стала их гладить, прижавшись к широкой груди.

Подхватив меня под ягодицы, Тьерри плавно переместился к кровати, аккуратно уложил, не переставая ласкать меня. Легкий укус между шеей и плечом – и я словно дикая кошка попыталась содрать с него рубашку, чтобы оказаться как можно ближе. Одним резким движением сорвав ее с себя, он так же разделался с моим платьем и нижним бельем. Обведя мое обнаженное тело восторженным, полным желания взглядом, Тьерри с довольным рыком принялся изучать его, да так, что на мне скоро не останется ни единого кусочка, который бы не узнал его ласк.

Ласковые губы перебегали с моей возбужденной груди на живот и обратно, и снова возвращались к губам, горя страстным желанием. Я громко стонала в особо острые моменты, вцепившись в моего мужчину, и так же, как он, изучала его тело. Он довел меня до первого в жизни оргазма легко и быстро, а потом раздвинул коленом мои ноги, лег между бедер и положил руку на грудь. Замер и торжествующе посмотрел мне в глаза:

– Как же долго я ждал тебя, моя женщина!

Я ощутила себя самой совершенной в мире женщиной на краешке восхитительного переживания, трепеща в его сильных руках. В затуманенном страстью мозгу мелькнула запоздалая мысль о том, что надо его предупредить, и прошептала:

– Тьерри...

Он резко дернулся и ворвался в меня. Я выгнулась и закричала от боли, чувствуя, словно меня порвали пополам, и попыталась оттолкнуть его, а он застыл и виновато, сочувствующе смотрел на меня. Потом, прижав лицо к моей шее, хрипло зашептал:

– Силы небесные, почему ты не сказала! Я был бы более осторожен и терпелив. Такая тесная, маленькая, жаркая! Моя! Моя! Только моя! Прости меня, маленькая моя, прости за боль. Прости, прости, сейчас все пройдет и снова будет хорошо. Я клянусь, что тебе всегда будет только хорошо.

Почувствовав, что острая боль прошла, а мое тело уже привыкло к его размерам, я слегка поерзала под ним, принимая удобное положение. Обняла Тьерри за шею и принялась с упоением целовать лицо. Подалась ему навстречу – намек был понят, сначала он двигался осторожно, а потом... я снова кричала, но не от боли. Кажется, Тьерри смотрел на меня, я чувствовала его напряжение. Большое мужское тело – словно струна. Через секунду он дернулся и с громким рычанием вцепился зубами мне в шею. Резкая боль сменилась волной наслаждения, накрывшей нас обоих, заставив еще теснее прижаться к друг другу и почувствовать себя единым целым. Я хрипло прошептала, всей душой надеясь, что это правда:

– Мой! Только мой!

Перекатившись на спину, Тьерри положил меня к себе на грудь и, придерживая, начал нежно поглаживать мою спину. Распластавшись у него на груди, я едва не мурлыкала от удовольствия, которое дарили его руки, еще и посылая мурашки по моей чувствительной коже. Я наслаждалась, слушая, как сильно и мощно бьется его сердце. Надеюсь, в нем найдется место для меня. Потому что мое сердце теперь принадлежит ему. Нежно погладив его лицо с правой стороны, более сильно поврежденной, я спросила:

– Тьерри, расскажи, как это произошло, пожалуйста.

Приподнявшись на подушке, он крепче прижал меня к себе одной рукой, а второй продолжал ласкать. Я опять чуть не заурчала, кожей чувствуя каждую его мышцу, каждый волосок на его теле.

– Хочешь услышать мою исповедь, маленькая! Согласен, это небольшая плата за то, что ты подарила мне.

Подтянув меня повыше, Тьерри снова уткнулся носом мне в волосы и глухим голосом начал рассказывать:

– Мой отец, внешней копией которого я являюсь, страдал дикой ревностью. Вполне обоснованно ревновал. Моя мать, Луиза Морруа, не хранила ему верность. Когда мне исполнилось двенадцать, она завела интрижку с одним из членов совета – Фабиусом де Лавернье. Мой отец в то время возглавлял совет, а Фабиус уже два раза пытался занять его место честным образом, вызывая на дуэль, но оба раза терпел поражение.

И вот де Лавернье придумал более легкий путь добраться до вожаемой власти: очаровал мою мать. Надо заметить, на это ему понадобилось минимум времени и сил. Он очень осторожно и методично осуществлял коварный план. Надо отметить, хорошо постарался, потому что вскоре моя мать от любви и страсти к нему окончательно потеряла голову, желая заполучить его в свою постель. Де Лавернье уговорил ее убить мужа, моего отца, обещая навеки связать свою судьбу с ней и сделать меня своим наследником. Если ты еще не знаешь, у мужчины вера потомство бывает только от своей пары.

– Знаю, Макгранты рассказывали, – едва слышно отозвалась я, – и о том, что с рожаемостью у веров все хуже и хуже.

– Моя пустоголовая ветреная мать согласилась. Пошла на преступление не только против своего мужа, но и против отца своего сына. Она отсекла ему голову, предварительно утомив любовным марафоном. Во сне отправила на божий суд. Утром, вся в крови, она пыталась объясниться со мной. Сейчас мне кажется, что тогда она немного повредила рассудком, потому

что говорила сбивчиво, все время срываясь в истерику. Потом приказала охране впустить де Лавернье в замок.

Его клан, вероломно проникнув в замок Морруа, уничтожил многих наших воинов, не ожидавших нападения и не знавших в тот момент о гибели своего главы. Мой ад начался именно тогда, хотя я думал, что попал в ад, когда узнал об убийстве отца. Первым делом меня посадили в клетку во дворе замка. На возмущенные вопли моей матери ее любовник отреагировал непотребно – отдал ее своим телохранителям на забаву. На следующий день ее привязали к столбу, она наблюдала, как во двор замка Морруа въезжала истинная пара Фабиуса – Кассандра де Лавернье.

Новая хозяйка замка лично подожгла хворост, которым обложили столб с моей матерью, привязанной к нему. В тот костер бросили расчлененное тело и моего отца, так сказать, для компании, предварительно похвастав, что идея свержения главы принадлежала Кассандре. После убийства родителей эта пара принялась за меня. Они развлекались со мной три дня с перерывами на еду и отдых. На моем теле оставалось все меньше и меньше целой кожи. Меня лупили металлическими прутами, покрытыми серебром. Надевали серебряный ошейник...

Тьерри перевел дыхание и продолжил:

– На третий день Лавернье так возбудились от своих забав, что поспешно удалились в спальню, а меня оставили в ошейнике на ночь во дворе. Мне удалось сломать ошейник и сбежать из замка. Меня подобрал Рэнулф Макгрант, возвращавшийся со своим отрядом из очередного путешествия. На мою удачу, он проезжал по территории Франции. Рэнулф вылечил меня. К тридцатилетию помог стать взрослым мужчиной, способным за себя постоять. Затем Рэнулф встретил свою Мэйдию, а я пошел своим путем. Тогда я ненавидел всех женщин: хороших и плохих – не мог простить им поступка своей матери, вероломства и жестокости Кассандры. Мне понадобилось еще двадцать лет, чтобы собрать оставшихся в живых Морруа и возглавить клан. К пятидесяти я вернул свой замок, уничтожив Кассандру де Лавернье тем же способом, каким она убила моих родителей.

Сквозь слезы я восхищенно прошептала:

– Ты выстоял, Тьерри! Я горжусь тобой!

– К сожалению, этой твари, Фабиусу, удалось сбежать, благодаря стараниям своих телохранителей, – сдержанно прошипел Морруа. Затем тон его повествования опять стал более-менее спокойным: – Эта крыса так хорошо схоронилась, что мне потребовалось более пяти-сот лет, чтобы наконец найти его. Он сбегал еще два раза – вовремя узнавал о моих бойцах на своей территории. Хитер. Столетиями я чувствовал, что внутри у меня растет кусок льда, замораживая не только сердце, но и душу. Сплошной холод и ненависть – вот, что я чувствовал на протяжении тысячи лет своего существования. Только месть вносила хоть какой-то смысл в жизнь, пока два месяца назад, выйдя из лифта собственного отеля, я не почувствовал твой запах. Теплый, нежный, женственного аромата, который мгновенно пробил ледяную корку души, но оставил боль и тоску по, казалось, несбыточному.

Я счастливо улыбнулась и потерлась носом о его грудь.

– Два месяца поисков – и наконец ты в моем самолете. Такая маленькая, уязвимая и настолько красивая, что я не мог оторваться, глядя на тебя, пока ты спала, любясь теплой нежной кожей и шелковистыми, черными словно вороново крыло волосами. Ты проснулась, напуганная и ершистая, словно маленький дикий котенок. Естественно, ты опасалась меня, тебе нужно было время привыкнуть. Знаешь, что меня больше всего удивило? Ты боялась остальных веров больше, чем меня: доверчиво хваталась за мои изуродованные руки и испуганно прижималась ко мне. Я испытывал боль, не смея прикасаться к тебе, чувствовать твоё тепло и мягкость, ощущая твой страх. Поверь, мой маленький котенок, я лучше сам перегрызу себе глотку, чем причиню тебе вред. Я никогда в жизни не представлял себе будущую подругу, но,

когда получил тебя, возблагодарил небеса за подарок. Милана, ты отдала мне свою невинность, отогрела душу. Я обещаю, что всегда буду беречь тебя и никому не позволю...

Зарывшись руками в мои волосы, он приподнял голову и начал нежно целовать губы и мокрые от слез щеки. От этой ласки я совсем расклеилась и разрыдалась, уткнувшись ему в шею.

– Ну что ты, малышка, почему ты плачешь? Что я сделал не так, скажи, и я все исправлю.

Я еще крепче прижалась к нему и замотала головой. Рыдания постепенно перешли во всхлипывания и закончились икотой, сквозь которую я пыталась объяснить, как мне жаль того двенадцатилетнего мальчика, которому пришлось перенести столько страданий. Потом еще полчаса я сбивчиво клялась, что всегда буду рядом и никогда не брошу, и не предам и, тем более, не пойду налево, потому что мне и его с лихвой хватает. И вообще, я честная и порядочная жена, а не какая-то там! Если он меня полюбит, то вообще попаду в рай на земле.

Через час, когда Тьерри меня успокоил самым приятным и действенным способом, я тоже рассказала свою историю, причем к концу благополучно уснула прямо на нем на середине слова.

Глава 10

Как приятно просыпаться рядом со своим мужчиной. В первое наше совместное утро, которое началось за полдень, Тьерри не выпустил меня из кровати, а вот на второе я тихонько, чтобы не разбудить его, встала и ушла в свою комнату. Приняв душ и обмотавшись полотенцем, я встала перед зеркалом и, собрав волосы в высокий хвост, заплетала косу, когда дверь резко открылась и вошел Тьерри. Увидев меня, он перестал хмуриться и плавной походкой большого хищника двинулся ко мне. Подошел вплотную, с довольным видом развязал полотенце и, лизнув мою голую шею, начал прокладывать дорожку из поцелуев вдоль позвоночника. К лопаткам я уже дрожала от желания. Когда его руки легли мне на грудь, я забыла, зачем выбралась из постели.

За обедом в малой, более уютной семейной столовой я глаз не могла оторвать от Тьерри. Наслаждалась его телом, восхищалась умом, теряла голову, глядя ему в глаза, – за короткое время он стал для меня всем. Я боялась и в то же время ликовала от радости, осознав, что не пустая и холодная – а полна чувствами, мое сердце и душа пылают от любви. Он посмотрел на меня, отвернувшись от Поля, с усмешкой наблюдавшего за нами, – и пол зашатался у меня под ногами. Вот что значит безгранично любить!

В следующую секунду мужчины кинулись ко мне: Тьерри в обнимку со мной упал на пол, обернув меня своим телом словно коконом; Поль перемахнул стол словно мячик для пинг-понга и прикрыл нас обоих под звуки взрыва. Грохот падающих камней, шелест штукатурки, осыпающейся со стен, перемешанные с воплями и стонами людей. Я с трудом дышала под тяжестью тела Тьерри, но чувствовать, как он вздрагивал, когда очередной камень попадал в него, было невыносимо. Мне досталось по руке острым осколком, в ладонь потекла теплая кровь, но его боль просто чудовищна по сравнению с моей.

Мне показалось, что все это длилось целую вечность, а оказалось – не больше двух-трех минут. После чего от столовой остались развалины, куча пыли и дыма. Прокашлявшись, я осторожно вылезла из-под застывшего в беспамятстве Тьерри и, взглянув на него, оцепенела от ужаса. В нескольких местах из его спины, ног и рук торчали осколки, рядом с ним и Полем, который был в таком же плачевном состоянии, валялись большие, забрызганные кровью камни. За что нам все это!

Порез на моей руке уже перестал кровоточить и медленно затягивался. Поэтому, не обращая на него внимания, я аккуратно вытащила все осколки из Тьерри и Поля и, оторвав рукав от платья и вывернув его наизнанку, вытерла кровь с их лиц. Потом сидела рядом с ними и, трясясь от ужаса, ждала, когда они придут в себя. Первым очнулся Тьерри. Встряхнув головой и поведя плечами, он, не отрывая от меня тревожного взгляда, спросил:

– Любимая, с тобой все в порядке, ты не пострадала?

Я заплакала, а потом осторожно обняла Тьерри и прижалась всем телом, и только тогда почувствовала, как уходит напряжение, оставляя в душе липкий страх, что могла его потерять. Облегченно всхлипнув, я призналась:

– Я так испугалась, любимый! У тебя было столько ран, я боялась, что ты не сможешь восстановиться. Боже, я не хочу терять тебя. Я так сильно люблю тебя, что не переживу, если... Обещай, ты никогда не покинешь меня. Просто обещай, и я поверю. Поверю всему, что ты скажешь. Даже если скажешь, что мне будет лучше умереть. Ты слышишь меня! Я очень сильно люблю тебя. Не хочу и не могу расстаться с тобой. Никогда. Никогда.

Он крепче обнял меня, прижался щекой к моей щеке, потом целовал мое лицо и хриплым от еле сдерживаемых эмоций голосом шептал:

– Моя девочка! Только моя! Любил и буду любить только тебя одну. Никому не отдам, никогда не отпущу, всегда буду рядом, обещаю. Клянусь: я принадлежу только тебе и всегда принадлежал только тебе, маленькая моя. Любимая!

Пришедший в себя Поль молча сидел и ошарашенно наблюдал за нами. Потом, кашлянув, неожиданно смущенно пробормотал:

– Похоже, де Лавернье сделал ход первым. Срочно валим отсюда. Она слишком уязвима, надо спрятать ее получше, чтобы случайно не задела.

Увидев спешащих нам на помощь веров из нашего клана, Тьерри, подняв меня на руки и прижав к груди, пошел им навстречу. Оказалось, взорвали только часть замка и пострадали в основном столовая и личные апартаменты главы. Погибло трое людей, веры практически все восстановились. Окружив плотной стеной, меня в срочном порядке вывезли из замка. Через несколько часов мы прилетели в альпийское шале Морруа.

Неделя отдыха в Альпах привела мои нервы в порядок. Но все равно, как только я теряла Тьерри из виду дольше чем на полчаса, меня начинала терзать тревога. Я стала его тенью, все время прикасалась к нему, обнимала, даже терлась об него, словно кошка, чтобы оставить на себе его запах, который положительным образом сказывался на моем самочувствии. Тьерри тоже вел себя не лучше: с самым довольным видом принимал мою ласку и хмурился, если я уходила от него по своим делам.

За неделю мы еще больше сблизились, все время узнавая друг о друге что-нибудь новое. Как и Изабель, Тьерри умел рассказывать, и я этим беззастенчиво пользовалась, заставляя развлекать меня рассказами о его жизни и приключениях. Наверняка найдется не много ему подобных, кто знает историю лучше или в том же объеме. Мы устраивали с нашими спутниками посиделки, и за кружкой чего-нибудь горяченького для меня и горячительного для них они вспоминали старые времена и занятные случаи из жизни, смеясь и споря о мелочах и героических поступках. Это была незабываемая неделя, полная радости и любви.

* * *

– Не хочешь размяться, любимая? Хочу показать тебе место, которое называется Хребет несбывшихся надежд. Грустное название, зато красивые виды! – Тьерри стоял в дверях с хитрой, предвкушающей улыбкой.

– Опять всей толпой гулять пойдем? Моя Милка очень хочет побегать с твоим волчком, – я также предвкушающе посмотрела на него.

Он показательно нахмурился и игриво прорычал:

– Детка, это ты у нас волчик-волчонок. Маленький, игривый, очень любимый и ласковый волчонок. И если твой волчонок хочет прогуляться с моим волчищем, то с нами сегодня никто не пойдет. Подождут внизу.

Быстро завернувшись в халат, я бросилась на выход под хохот следовавшего за мной Тьерри.

Мы забрались на большой камень на вершине хребта. Раскинув руки, я ловила холодный ветер обнаженной, разгоряченной сексом кожей. И наслаждалась каждой секундой, проведенной с любимым на прогулке. Внезапно Тьерри, подхватив меня подмышки, прыгнул с камня и напряженно замер, вслушиваясь в шепот ветра.

– У нас непрошенные гости, но я долго их искал. Как только будет возможность, беги к нашим. Не волнуйся, я со всем справлюсь. Без тебя.

Он внимательно посмотрел на меня, а потом, коротко чмокнув в губы, обернулся волчком. Я решила не демонстрировать «гостям» голый зад и перекинулась, встав у него за спиной. Через минуту на маленьком плато появились четверо огромных серых волков с наглыми, оскаленными в ухмылке мордами. Один из них держал в зубах рюкзак, который отбросил, как

только увидел нас. Долгого «разговора», как показывают в фильмах, не было, они напали сразу и всем скопом.

Тьерри, немного опередив врагов, встретил их на полпути и раскидал в разные стороны. Более прытким досталось с лихвой: первый, лишившись головы, задержался в судорогах, второй, с разорванным боком, зализывал рану, не отрываясь глядя на Тьерри. Я поскуливала, прижимаясь к камню, и тоже не могла оторвать глаз от разыгрывающейся передо мной трагедии и молила, чтобы Тьерри справился. Трое уцелевших волков начали кружить вокруг него, рывками нанося ему раны, выдирая плоть по кусочку. Тьерри истекал кровью, когда они вместе бросились в атаку. Одного он подмял, второго рвал клыками, но вот третий оказался сбоку от него и – вцепился ему в шею. Нет!

Мне все равно, что серая тварь со мной сделает после, главное – отвлечь его на себя и дать Тьерри шанс. Пренебрегая приказом любимого, я вскочила и изо всех сил вцепилась серому гаду в глотку, заставляя ослабить хватку на шее моего волка. Вцепилась намертво, словно питбуль. По наитию или случайно, но я оказалась в неудобном для врага положении, он с трудом доставал меня лапой, царапая когтями, не более. Зато я, осторожно перебирая челюстями, подбиралась к его гортани – и наконец добралась до вожаемого места. Упершись четырьмя лапами, я что есть силы рванула на себя его голову, заламывая вверх...

Ужас! У меня получилось оторвать ему голову: мертвая серая туша у моих лап истекала на снег багровой кровью, распространяя отвратительный запах. Несколько секунд я в шоке смотрела на дело своих рук... нет, лап и зубов. Потом подняла глаза. Тьерри-волк замер над обезглавленными трупами врагов и пристально, показалось, что удивленно, наблюдал за мной. Пошатываясь, израненный Тьерри шагнул ко мне, а я, подвывая, подползла к нему и начала зализывать его раны, лежа у него в ногах. Опустив лобастую голову, он благодарно лизнул меня в ухо.

Тихий щелчок. Тьерри прыгнул вперед, заслонив меня собой под звук выстрела, отразившегося гулким эхом; хрип и – тягостное молчание. Я медленно обернулась и ужаснулась: там, где истекал кровью загрызенный волк, оказалось обезглавленное тело голого мужчины, голова валяется в нескольких метрах, а возле трупа лежит на боку мой волк. Лежит, не подавая признаков жизни?.. Медленно, на неверных, подгибающихся лапах я подошла к нему и увидела кровоточащую, с обожженными краями дыру в груди и такую же на спине. Голову прошила страшная, убийственная мысль: «Пуля была серебряная и попала в сердце». Приложив голову к волчьей груди, я не услышала ничего. Родное сердце не билось.

Я слушала и слушала, надеясь уловить знакомое, сильное биение сердца любимого, пока на плато не выскочили другие волки. Ощетинившись, я бросилась им наперерез. Бросаясь на них, я все ждала, надеялась, что вот сейчас, вот сейчас, вот сейчас Тьерри встанет и поможет мне. А он все лежал и невидящими, немигающими глазами смотрел. Последний раз рыкнув на покорно вставших напротив нас волков, я подошла к Тьерри, легла рядом, положив морду ему на лапы, – решила умереть с ним и закрыла глаза...

* * *

Я мутным взглядом обвела спальню – и вспомнила все. Серых хищников, окровавленные тела мертвых волков, человеческий труп с оторванной головой, застывший взгляд Тьерри... Главное, увидела несмятую половину кровати, на которой он раньше спал. Села, свесив ноги и, тупо глядя в пол, пыталась осознать, что осталась одна. Осталась жива. Да, действительно – Хребет несбывшихся надежд. Хотела семейного счастья – забрали, даже умереть с любимым не дали.

Подняв голову, я уперлась взглядом в свое отражение в зеркале. Маленькое растрепанное привидение в черной пижаме, с измученными серыми глазами, наполненными отчаянием,

горем и безысходностью. Почему все, кого я люблю, погибают? Тьерри обещал не покидать меня, не оставлять одну. Он же не мог обмануть!!! Не мог! Я осела на пол и завывала. Обняв себя руками и раскачиваясь из стороны в сторону, громко выла, выплескивая боль души.

Я не обратила внимания на шум и возню в дверях, очнувшись только тогда, когда меня крепко обняли родные, любимые руки и чудесный голос любимого ласково зашептал над ухом успокаивающие слова, укачивая словно ребенка. Не веря в чудо, распахнув глаза, я посмотрела в самые красивые и дорогие глаза на всем свете. Горло перехватило от счастья, я с трудом выдохнула:

– Я думала, ты умер... Я не хотела жить без тебя, хотела умереть там, рядом с тобой. Ждала, ждала, а оно все не работало и не работало. Я думала, ты ушел без меня.

– Нет, маленькая, я обещал тебе, любимая моя, никогда не покидать и всегда быть рядом. Можешь спросить кого угодно, что я всегда держу слово. Солнышко мое, вера моего возраста практически невозможно убить, тем более – серебром. Просто нужно было больше времени на восстановление.

Я забралась к мужу на колени и, крепко обняв, прижалась к нему. Отпущу – а он вдруг исчезнет или снова потеряю его из виду. Так мы и ходили в обнимку целый день, пока не приехал Жак. Какая радость – не один, а с подругой. Дело было так. Во время обеда в столовую пришел Поль и, пряча хитрую ухмылку, торжественно сообщил:

– Жак вернулся! Он уже знает, что вы покончили с де Лавернье, причем вдвоем. Я ему по телефону рассказал, но у него другая проблема. На бразильской вилле де Лавернье он нашел свою половинку. Фабиус держал ее при себе и издевался над ней несколько лет. Она выглядит словно сломанная красивая игрушка. – Глянув на меня, восседавшую на коленях у Тьерри, поделился «проблемой»: – И так же, как и вы, мадам, не слезает с рук. Жак надеется, что вы поможете ей прийти в себя.

– Поль, я сделаю все, что в моих силах, – заверила я и мысленно хихикнула, представляя сурового Жака с вцепившейся в него красоткой.

Поль не был бы Полем, если бы мрачно не добавил:

– И еще, знаете, глава, он ведет себя с другими самцами еще хуже, чем вы. Все время рычит и огрызается, а я был твердо уверен, что хуже не бывает. Надеюсь, со мной подобного не случится. Моя крыша останется на месте, когда встречу свою половину.

* * *

Звонок Изабель застал меня в момент, когда я отплевывалась от шерсти Маргарет – приглашенной на званый вечер дочери главы соседнего клана.

– Привет, Изабель, – прорычала я, отчаянно отплевываясь.

– Привет, Милана. Я слышу, ты так рада меня слышать, что даже в трубку плюешься, – удивленно выдала подруга, приводя меня в чувство, а потом неожиданно весело потребовала: – Теперь меня разбирает любопытство: по какому поводу?

– А, ерунда. Я тут одну охочую до чужого добра мадемуазель на место поставила. Вот теперь не могу от ее шерсти никак избавиться. Такая же приставучая и мерзкая, как ее хозяйка. Изабель несколько мгновений молчала, потом недоверчиво спросила:

– Милана, дорогая, я правильно поняла: ты только что подралась с другой волчицей из-за собственного мужа?

Ее недоуменный тон вывел меня из себя:

– А что – мне надо было терпеливо смотреть, как эта сука целый час протирает дырку глазами в Тьерри, а потом нагло повисла на нем и пыталась залезть к нему в штаны. Ты можешь себе это представить! В штаны к моему мужу! И ее единственным оправданием был тот факт, что она, видите ли, не знала, что Тьерри моя пара. Ну-ну, не знала она!

В голосе Изабель послышался смех:

– Детка, ты забыла, что у мужчины в паре стоит только на свою подругу?

Немного успокоившись, я пробурчала:

– Знаешь что, я не собираюсь проверять, стоит у него на других или нет. Никто не смеет трогать моего мужчину. Он – моя собственность!

Моя злость улетучилась, как только я услышала звонкий подругин хохот:

– Поздравляю! Милана, ты первая в истории веров ревнивая волчица! Обычно этим страдают только самцы, ведь у них выбора нет, в отличие от нас. Наверное, потому что в тебе человеческого много. Ты мне скажи, чем там сейчас Тьерри занят?

Повернув голову в сторону ухмыляющегося мужа, окинула его недовольным взглядом и прорычала в трубку:

– Чем занят? Пытается не лопнуть от гордости и самодовольства, в то время как его любимая супруга пострадала, защищая свою собственность.

Тьерри сразу напрягся, довольная улыбка вмиг слетела с его лица. Их с Изабель гневный рык раздался в унисон:

– Как?

Подойдя вплотную, муж глухо прорычал:

– Я лично сдеру с нее шкуру, если ты пострадала, любимая!

Пришлось примирительно прошебетать:

– Как-как! Морально!

И кокетливо потирая бедро, добавила, увидев, что у мужа от души отлегло:

– Меня за задницу знаешь как тяпнули! Наверное, будет лучше зализать больное место...

Ощувив короткий полет, я повисла вниз головой на плече Тьерри и счастливо поделилась с хохочущей Изабель:

– Ой, меня тут срочно оказывать помощь несут, я тебе через пару часов перезвоню. – Услышав недовольный рык Тьерри, поправилась: – Нет, через три. – Получив шлепок по пятой точке, я закончила: – Извини, дорогая, я тебе завтра перезвоню.

Эпилог

Два года спустя

Рэнульф с Ником сидели в придорожном кафе раскаленной техасской глубинки и наслаждались долгожданной прохладой и колой со льдом. Звонок от Миланы Морруа немного разбавил тоскливую монотонность последних дней. Ник с удовольствием ответил:

– Привет, малышка, как дела?

С другой стороны планеты ответил радостный, согревающий душу женский голос:

– Привет, Ник. У нас все хорошо! Вы чем там занимаетесь?

Дальше Ник услышал шумную возню, потом резкий недовольный детский крик, за которым, раздался второй не менее громкий. Потом, судя по всему, на пол упал телефон и раздался смеющийся мужской бас пары Миланы Тьерри. Судя по всему, папа Тьерри пытался увести двух дочек-близнецов подальше от мамы, чтобы она могла поговорить. Еще пару минут Ник слушал веселую возню и перебранку семейства Морруа, а потом, наконец, Милана завладела телефоном:

– Прости, Николас, им всего год, а они уже успели поставить на уши весь дом. У меня тут столько советчиков развелось, как воспитать настоящую Морруа, что я скоро мистера Спока переплону. Тьерри даже похудел килограмм на десять, пытаюсь уследить за своим курятником. Это, кстати, Жак, зараза, меня с дочками так обозвал. А сам на свою Маризу дышать боится. Знаешь, у него скоро свой курятник появится, ходит с та-аким загадочным видом. Так, теперь вернемся к вашим делам. Вы где сейчас находитесь?

Ник, пересмеиваясь вместе со все слышавшим Рэнулфом, ответил:

– Мы в кафе заехали перекусить и остыть немного, а то уже на хорошо прожаренный бифштекс походим. Жара жуткая! Но когда ты позвонила, собирались уходить.

Милана категорично запретила:

– Нет, Николас, вы должны остаться, я чувствую, что вы очень близко от них. У меня внутри аж горит все. Поэтому и позвонила. Сидите там и ждите как привязанные.

Ник с Рэнулфом подобрались и недоверчиво переспросили:

– Ты хочешь сказать, что мы найдем их сегодня? Здесь?

Они оглядели маленькую непрезентабельную закусную, пыльную дорогу, по которой изредка проносились машины, и старую бензоколонку, в тени которой оставили два своих «харлея», чтобы не грелись на палящем солнце. Николас задумчиво произнес:

– Хорошо, Милана, как скажешь, мы тут еще посидим, кофе попьем.

В трубке снова раздался детский крик, сюсюкающие мужские голоса, потом Милана устало вздохнула:

– Ладно, потом перезвоню, а то тут мой детский сад никак не уgomонится во главе со своим папашей.

Ник недоуменно уставился на телефон, затем на смеющегося Рэнульфа, не замедлившего поделиться своим мнением:

– Вот кто бы мог подумать, что Тьерри Морруа – самый страшный и жестокий вер – станет таким подкаблучником и образцовым папашей.

Они с Ником расхохотались, и в этот момент на бензоколонку въехал старый, обшарпанный пикап, из которого устало вылезла молодая красивая шатенка с фигурой песочные часы, от которой у любого нормального мужчины сразу теплеет взгляд. Следом за ней из машины выбралась совсем молоденькая, худенькая, не старше шестнадцати лет, девочка и обреченно, с тоской посмотрела в уходящую вдаль дорогу, а потом на двери закусной.

Старшая достала деньги из кармана облегающих джинсов и, пересчитав наличность, оплатила бензин. После того, как они заправили пикап, направились в закусочную. Когда они вошли, оба мужчины как по команде вдохнули легкий пьянящий женский аромат и расширившимися глазами, еще не совсем поверив в чудо, жадно уставились на двух симпатичных незнакомок.

Девушки сели в самом дальнем углу и начали тихо переговариваться, изучая меню. Оба оборотня, обладая нечеловеческим слухом, без труда слышали их разговор. Старшая пыталась убедить младшую, что вполне обойдется без еды и ограничится чашкой сладкого чая. В то время как младшая нуждается в еде, потому что объединение унесло все ее силы. Девочка на пределе.

Рэнульф, не раздумывая, подошел к стойке и, заказав для проголодавшихся незнакомок все, что было в меню, направился с Ником к ним. Девушки, почувствовав себе подобных, затравленно сжались, и наверняка бы попытались скрыться. Перекрыв им пути к бегству, Макгранты, сев каждый возле своей женщины, выдохнули с облегчением: изматывающие душу поиски закончились! Каждый из них решит все проблемы своей пары. Главное, что они наконец-то встретились и обретут долгожданное счастье.

Часть вторая. Под защитой твоей нежности

Глава 1

Густые изумрудные заросли джунглей подбираются к самому берегу Жапуры, левому притоку великой Амазонки, нависают над темной водой, позволяя кривлякам обезьянам, держась за ветви, пить прямо из стремительного потока. В нескольких метрах от пологого спуска к воде укрылось небольшое селение. С первого взгляда можно и не заметить среди густой растительности крепкие, надежные домики на сваях, с двускатными крышами.

Но тот, кому надо, – нашел!

Крыши из пальмовых листьев и соломы полыхают, выбрасывая вверх снопы искр и дым. Среди горящих домов и по поляне, где раньше собиралась маленькая стая, мечутся мои родные и близкие, объятые пламенем словно факелы. Крики умирающих от невыносимой боли, от горя потери родных, ярости и последний прощальный вой сквозь гудение разъяренного огня врываются в мою голову, заглушают мысли, погружают в хаос.

Селение плотным кольцом окружают жуткие люди, вооруженные огнеметами. Все и всех без разбору поливают огнем... Все и всех! Я уже потеряла родных, всех до единого, как бы ни защищали женщин и детей своими телами мужчины, ни пытались вырваться за устроенный пришельцами вал огня. Старейший волк стаи, наш вожак Амадео, которому, по словам отца, не меньше трехсот лет... догорает недалеко от меня, и я особенно остро ощущаю запах паленой шерсти. Не знаю, удалось ли еще кому-то спастись, но здесь, где всегда царила забота, любовь и счастье, – ничего не осталось. Только смерть, огонь и... пепел. Поднявшийся ветер щедро кидает его в лицо убийцам, покрывая их серой пеленой. И я, застывшая от ужаса, оцепеневшая и практически потерявшая рассудок, способность думать и действовать.

Я была не в силах двинуться, ужас и немыслимость случившегося настолько завладели моим существом, что даже огонь, пожиривший мой дом в этот предрассветный, самый темный час, не мог вынудить пошевелиться. Так и стояла у спуска к воде, куда меня принес, пытаюсь спасти, бросить в реку, вожак стаи. Хотел, но не успел спасти двенадцатилетнюю девочку, несмышленого волчонка, еще даже не прошедшую первый оборот. Оставил на миг, чтобы увести от ребенка убийц, и погиб.

Вместо рассвета над джунглями разгоралось зарево пожара; и на его фоне, словно из огня, появился он – Лука Рамуш де Саллес – монстр во плоти. Высокий, крепко сложенный мужчина с темными, посеребренными сединой волосами и ледяными бездушными глазами. В белой рубашке и штанах, заправленных в сапоги, он неторопливо, по-хозяйски шел по пепелищу, с презрением и злостью разглядывая останки моих близких, родных и любимых, все ближе и ближе подходя ко мне.

Пламя за его спиной полыхает все ярче, играет жуткими бликами на смуглом лице с тонкими резкими чертами. Он склоняется ко мне, я отчетливо вижу, как играют языки пламени в его жутких глазах, словно огонь вырывается из преисподней. Неожиданно я слышу:

– Ну здравствуй, малыш, мы пришли за тобой...

Я с огромным трудом и отчаянным криком вырвалась из давнего кошмара, мучившего меня последние четыре года, опутывавшего крепкой липкой паутиной. Четыре года... именно столько прошло с момента, когда отряд наемников под предводительством сеньора Луки Рамуша де Саллеса отравил воду вокруг нашего селения и, ворвавшись в мой дом, сжег его вместе со всеми жителями, ослабленными и потому беззащитными. Нас поливали смертью из огнемета, убивали без оглядки на пол и возраст. Четыре года назад я осталась круглой сиротой,

потеряла всех, кого любила, – родных и близких. Но оказалось, еще страшнее – остаться жить среди убийц моей семьи и стаи.

Судорожно дыша, будто до сих пор легкие горят от жара и гари, я отбросила в сторону промокшее от пота одеяло и заполошно огляделась – не покидало ощущение, что все еще стою посреди родного поселка в окружении огня и трупов и жду, когда сожгут и меня. В спальню просочился багряный рассвет, похожий на отсвет пожара, будто возвращая меня в прошлое. Не давая сознанию вырваться из него, освободиться.

Сердце колотилось как бешеное, в ушах звенели крики умирающих и прощальный волчий вой. И именно в этот момент резко открылась дверь и на пороге остановился тот самый монстр из кошмаров – Лука Рамуш де Саллес. Как и тогда, четыре года назад, в белой рубашке и штанах, только босиком.

– Паола, малышка, что случилось? Почему ты кричишь?

Мое сознание словно раздвоилось, грудь загорелась, кровь бешено пульсировала в висках, затем тело прошила боль и скрутило судорогой – а дальше я скатилась с кровати. Меня практически выворачивало наизнанку. Это случился мой первый оборот, поздний, и сейчас – как смертельный приговор! Но изменить или остановить его невозможно.

Стоило боли отступить, а мне – ощутить, что сознание волчицы превалирует над личностью человека, я подняла глаза на дону Саллеса. И вместе с моей мохнатой половинкой словно в бездну рухнула. Голубые, всегда с ненавистным теплом и заботой глядевшие на меня глаза сеньора Луки потемнели от дикой, непередаваемой смеси ярости, потрясения и злобы.

– Проклятое отродье, дитя дьявола! – прошипел он глухо и яростно, сметая все сомнения о моей дальнейшей судьбе. – Значит, Паола все-таки давно умерла, да?

В иной ситуации было бы смешно, что солидный мужчина обращается к сжавшемуся от ужаса волчонку, всерьез ожидая от него ответа. Но мне весело точно не было, я рефлекторно замотала лохматой головой, полностью отрицая его предположение. Но это лишь подстегнуло все сокрушающую ярость и злобу дона.

Как и в первый раз, ко второй волне боли подготовиться я не успела. На мое бедное мохнатое тело обрушился шквал ударов – кулаками, ногами и всем, что попадалось под руку моему опекуну. Вымещая на мне ненависть, крушение своих надежд и планов, он будто потерял разум – методично убивал и глухо выплескивал проклятия, себя тоже клял за недосмотр.

Четыре года назад сеньор Лука Рамуш де Саллес, вернее, дон, – хозяин обширных земель вдоль Жапуры и удачливый торговец оружием – ждал в гости семью своего младшего брата, проживавшего в Европе. Сам сеньор был бездетным вдовцом, буквально за год до этого похоронившим любимую жену, тяжело и долго болевшую. Пятидесятилетний барон де Саллес возлагал большие надежды на семейного брата, подумывая в будущем передать свое наследие и бизнес кровному родичу. Увы, по дороге в поместье на родню и приставленную к ней охрану напали неизвестные. На месте преступления обнаружили растерзанные животными тела. Только восьмилетняя Паола, племянница Саллеса, исчезла, подарив надежду убитому горем дону, что еще не все потеряно.

Дон Лука Рамуш де Саллес знает о своих землях многое, и о жутком племени, способном превращаться в волков, тоже слышал. Мой народ боялись все жители в округе, хотя столкновений не случалось ни разу. Нас не трогали, мы обходили людей стороной. Но убийство семьи дон простить оборотням не мог, а многочисленные следы на телах погибших говорили сами за себя. Местные шептались, что оборотня ничем не убить, кроме огня. Но разве переносной огнемёт – проблема для торговца оружием? Нет! Вот так, вооружив немалый отряд своих людей, Лука Рамуш де Саллес, потерявший близких и с разбитыми мечтами, пришел в мой дом.

Паолу он видел лишь маленькой на фотографиях, поэтому, заметив у обрыва меня – хрупкую девочку в рубашке, грязную и потерянную, обознался и принял за свою чудом уцелевшую племянницу. Мы и правда довольно похожи оказались, это я выяснила позже, по фотогра-

фиям. Оборотни или веры, как мы сами себя называем, до первого оборота растут медленнее, чем люди, поэтому в двенадцать лет я выглядела на восемь. Слабая, маленькая и беззащитная малышка... которая, пережив ужас потери семьи, попав в лапы «доброго дядюшки», целый год училась жить заново, правда, уже как человек. Пыталась скрыть свои инстинкты, особенности и способности, а главное – вторую сущность. В других обстоятельствах я бы прошла первый оборот раньше, лет в двенадцать-четырнадцать, но страх загнал мою волчицу глубоко внутрь. И страх вытащил ее наружу спустя четыре года, когда мне исполнилось шестнадцать.

Наконец дон Саллес выдохся, вяло пнул меня под ребра и устало сел на край кровати, по-прежнему с ненавистью разглядывая меня – побитую, окровавленную, маленькую волчицу, щенка совсем, как сказали бы в моей стае. Я забилась в угол и оттуда с отчаянием и ужасом следила за человеком, который еще вчера с нескрываемым восторгом и высокомерием хвастался приближенным и друзьям тем, что его тринадцатилетняя любимая племянница всего за четыре года экстерном завершила среднее образование в одной из ближайших частных школ. И обещал, что совсем скоро я стану студенткой Католического университета в Кампинасе – заведении, где в свое время учились мои «родители». Несмотря на торговлю оружием, убийства и другие темные дела, дон Саллес был ярым католиком, не пропускал ни одной мессы и щедро жертвовал на нужды храмов.

«Дядя» тяжело смотрел на меня – порождение дьявола, как он называл оборотней, а раньше я была любимой «племянницей» этого богатейшего землевладельца и широко известного в очень узких кругах торговца оружием. Даже сквозь ослепляющую боль и ужас я прочитала чувства, которые наконец отразились на его искаженном злостью лице. Если кто-то узнает о «постыдном» происхождении сеньориты Паолы де Саллес, главной наследницы и будущей матери слишком желанного доном Лукой внука и преемника, то предугадать дальнейшие события невозможно. А ведь мой опекун уже подумывал выдать меня замуж лет в шестнадцать за нужного кандидата, чтобы получить того самого внука побыстрее. Благо о моем истинном возрасте он не в курсе.

Мы безмолвно сидели в лучах занимающегося рассвета: он – на моей кровати, а я – сжавшись в углу, всем телом ощущая, как очень медленно, но все-таки заживают мои раны, срываются – слава Луне! – переломы.

– Будь ты проклята... псина! – выплюнул дон Лука, неожиданно резко подавшись ко мне торсом, опираясь широкими ладонями о колени. – Будь ты проклята...

Его резкое движение вызвало мой очередной оборот, только в обратную сторону. Моя трусишка волчица испугалась и отступила, а вместо нее в углу сжалась я в человеческой ипостаси – обнаженная девочка, на вид лет двенадцати. Будучи нормальным семейным человеком и истовым верующим, дон Саллес, увидев меня голой, с ненавистью и отвращением швырнул мне лежавший на кресле халат. Пришлось быстро, преодолевая боль, одеться.

– Где моя племянница? Она жива? – с нескрываемой угрозой спросил он.

– Я не знаю, что с ней. Наша стая... мои родные не убивали вашего брата и его семью. И никогда не встречали! А вы моих – да! Убили! – шепнула я сипло от пережитой боли, душевной и физической, от ненависти, терзавшей меня несколько лет, от безысходности и отчаянной надежды непонятно на что.

Новая минута тяжелого, мучительного молчания и раздумий, затем мой «дядюшка» встал и под оглушающий стук моего сердца, колотившегося, кажется, уже в горле, сгреб меня за воротник и поволок в коридор, а оттуда по ступеням вниз. Поместье еще спало, но, наверное, в течение ближайшего часа на кухню придут поварахи, сменится охрана, а пока, в редющих сумерках рассвета, меня тащили по земле в храм, стоящий рядом с основным зданием поместья. Совсем скоро усилиями верного пса дона Саллеса, сеньора Мартинеса, мне на шею нацепили «украшение» – кожаный ошейник с толстым серебряным крестом, прикрепленным к тонкому колечку в центре. Таким образом мой опекун перекрыл путь нечистой силе, кото-

рая якобы должна исходить от меня. Полагаю, мне сильно повезло, что ширина ошейника не позволяла серебру касаться моей кожи.

Вернулись мы уже в кабинет дона Саллеса. Буквально отшвырнув меня от себя, он устало и тяжело рухнул в свое любимое кресло у камина и, злобно сверкая глазами, таращился на меня, двигая желваками и явно размышляя. А я, упав на пол, замерла, поджав грязные ноги и кутаясь в халат словно в защитный кокон. Неужели спаслась? Хотел бы убить – убил. Значит, мои догадки верны, и я ему жизненно нужна! И это я четко осознала, когда дон, передернувшись, откинулся на спинку кресла – немного расслабился.

Землевладельцу дону Саллесу необходимы наследники. Без них соседи будут стараться поживиться чужими землями и золотом. Быть может – и извести, как уже стало понятно, когда четыре года назад убили семью его брата. Ведь если не мы, оборотни, то кто и для чего?

Бизнесмену дону Саллесу нужна и другая моя особенность. Пару лет назад он заметил, что я чуюла ложь. Чуюла фактически: испытывающие страх разоблачения люди дурно пахнут, а чуткий волчий нос это отчетливо ощущает. Но опекун счел, что это сильная интуиция или божий дар. А торговцу оружием и хозяину отрядов наемников очень нужен этакий ходячий детектор лжи. За последний год я даже несколько раз присутствовала на важных деловых встречах, проверяя партнеров дядюшки на «правдивость». И польза от меня была очевидна: ему стало проще работать, больше того, упрочилось его положение и репутация. Лишиться всего этого из-за смены «личности» племянницы? Видимо, он не готов.

– Теперь слушай меня внимательно... Паола. Это светлое имя я вынужден позволить тебе оставить, как и твои покои, наряды и статус племянницы, но на большее не рассчитывай. Откроешь без спроса рот, накажу так, что вечность помнить будешь! Шагнешь без разрешения – вырву ноги, все равно отрастут, как я понимаю. Теперь ты – моя личная псина, слушаешься – только меня, нарушишь приказ – убью без сомнений. Поняла?

В ответ я лишь судорожно кивнула. Молчаливое согласие помогло «дядюшке» наконец обрести утраченное спокойствие, может, отчасти, но для меня это – спасение.

– Иди к себе, выйдешь по моему зову! – зло махнул рукой Саллес и, не глядя на мое спешное бегство, потер виски словно от головной боли.

Глава 2

Десять лет спустя

«...злые горгульи неумолимо настигали, их кошмарные, оскаленные в ненависти и жажде убийства морды заставляли неистово колотиться сердечко юной принцессы Марисии, но она не сдавалась. Еще крепче схватилась за розовую, развевающуюся на ветру гриву своего Пегаса Алехандро и отчаянно молила его ускориться.

Прекрасная пара: наездница и ее нереально красивый и умный крылатый конь, стрелой пронзавший пушистые облака, уносились прочь от коварных преследователей. Казалось, еще мгновение – и спасение близко, но вдруг сверху, будто из ниоткуда, на них упал огромный Горгул и проревел:

– Ха-ха-ха, тебе не уйти, принцесса! Твое королевство мы разрушили, родных уничтожили, осталась только ты. И никто не придет тебе на помощь. Никто! Мы сильнее всех, нас все боятся...

Принцесса знала об этом, но верила словам родных, что придет время, она встретит своего защитника, верного и любящего Волка. Он появится в самый страшный час и спасет свою пару, свою половинку. А пока злобный Горгул кинулся на Алехандро и начал драть его прекрасные розовые крылья. Марисия не удержалась, скатилась со спины пегаса и с криком полетела к земле.

Она почти смирилась со смертью, но в самый последний момент ее спас Он – огромный черный Волк, который мощными сильными лапами успел ее поймать и укрыл своим мохнатым телом от опасности. Волк, ее волк, защитник и пара, возлюбленный до скончания жизни:

– Ты наконец пришел за мной! – счастливо шепнула Марисия.

– Ну здравствуй, моя лапушка! – услышала она его мягкий, нежный голос и утонула в прекрасных и добрых зеленых глазах...»

Резкий, противный, опостылевший за многие годы запах страха заставил меня вернуться в кошмарную реальность из красивой сказки, в которой я спасала свой разум от творившегося в поместье дона и во всей округе беспредела. Не сосчитать, сколько этих самых сказок я придумала за годы плена, сколько иных судеб и историй «прожила» благодаря своему воображению.

Моргнув, я сфокусировала взгляд на очередном «посетителе» Кровавого Дона, как называют сеньора Луку Рамуша де Саллеса в последние годы за соответствующую репутацию и методы ведения бизнеса. Метрах в трех от стола, под присмотром пары охранников, фактически конвоиров, уже с полчаса маялся толстый, обильно потеющий коротышка со смуглым широкоскулым лицом, маленькими черными, постоянно бегающими глазками и одетый в стиле американских гангстеров сороковых годов. Если в начале разговора с доном он чувствовал себя свободно и даже позволял себе глуповатые шутки, то спустя всего полчаса завонял страхом. Меня затошнило от перспективы – я буквально вынуждена его сдать. Не от жалости, нет, – этот мерзкий человечешка, убийца и торговец живым товаром, «хорошо» зарекомендовался за время работы с моим хозяином, – а потому что знаю о последствиях и не могу отстраниться, не думать, не делать.

Вонь усилилась, когда коротышка нечаянно поймал мой взгляд – смирившегося с неизбежным и отчаявшегося что-то исправить человека. Потом с ужасом уловил, как моя ладонь быстро сжала и отпустила плечо сидящего передо мной в кресле дона Саллеса. Опасения этого обреченного деляги оказались не беспочвенными, потому что прозвучал вопрос дона Луки:

– Мануэль, ответь мне, ты продавал Гардинесу товар в обход меня?

– Нет, что вы, дон Лука, да я никогда и... – Кислый, тошнотворный запах лжи вновь заставил сжаться мою ладонь.

– И как часто ты обманывал меня, Мануэль? Сколько сделок провел без согласования со мной? Сколько украл у меня? – оборвал лепет проворовавшегося ничтожества дон Лука и обманчиво спокойно откинулся на спинку кресла, с демонстративной ленцой погладил мягкие подлокотники, сверкнув внушительными перстнями на пальцах.

Мысленно я содрогнулась: эти холеные мужские пальцы частенько из таких вот расслабленных превращались в стальные захваты, которые с легкостью причиняли мне боль, ломали, душили, выдирали волосы.

– Только один раз, всего один раз, один раз... – зачастил обманщик и предатель Мануэль, трясущимися руками вытирая пот со лба. – Я все отдам, дон, в двойном размере! Простите меня, я все отдам, все отдам...

Я ни о чем не думала, когда снова сжимала «дядино» плечо, живые детекторы лжи не болтают, не чувствуют, не думают о последствиях, они делают работу молча. Этому меня тоже отлично научили, вдолбили до тех самых рефлексов, захочешь не забудешь!

Дон Лука больше не удостоил взглядом и словом зарвавшегося жулика, раздраженно махнул охране – приказал увести. Какой, казалось бы, простой жест, но не для того, кому таким образом вынесен приговор. Вот так, безмолвно, всего лишь махнув рукой и тем самым обрывая нить жизни.

Мануэль попытался вскочить, но подручные дона, заломив ему руки за спину, буквально пополам согнули. Толстяк тормозил, слезно и крикливо молил дона о прощении. Через минуту, уже в дверях, осознав, что прощения не будет, он с лютой ненавистью проорал, глядя на меня:

– Будь ты проклята, демоново отродье! Это ты, ты виновата...

Еще минуту раздавались вопли Мануэля, поливавшего меня ненавистью и проклятьями, но на моем лице вряд ли дрогнул хоть один мускул. Только внутри все сжалось, замерзло, каждая жилка словно дрожала в напряжении и отчаянии. За десять лет «собачьей» жизни я привыкла хранить свои эмоции и мысли глубоко, очень глубоко внутри, чтобы никто и ни при каких обстоятельствах ничего не распознал. Только мертвенная бледность лица да глаза порой выдавали раздражающие мои внутренности боль, тоску, одиночество и вечно терзающий страх. Поэтому глаза я чаще всего прикрывала, прячась за веером длинных пушистых ресниц. Окружающим же казалось, что я бесчувственная ледяная статуя или кукла.

В кабинет дона заглянул верный пес и правая рука сеньор Мартинес:

– Мануэля убираем или?..

– К Рафу его, пусть точно выяснит, скольких сделок мы лишились и с кем конкретно он работал за моей спиной, – недовольно проворчал хозяин кабинета, поместья и моей жизни.

Выслушав приказ, Мартинес исчез. Этого крупного, седовласого, пожилого, но вполне крепкого мужчину я боюсь, быть может, больше, чем дон Луку. Он ничем не пахнет, кроме парфюма, и, кажется, не испытывает чувств в принципе, словно мертвец. Убивает так же хладнокровно, как ест, пьет и присматривает за мной. Я больше чем уверена: меня тоже убьет без сожалений, если дон прикажет.

Обернувшись ко мне, «вершитель правосудия» несколько секунд сверлил меня злым, раздраженным взглядом, затем его глаза потухли, он устало обмяк в кресле, словно сдулся – нервишки тоже сдают. Да, со дня гибели моей стаи и семьи прошло тринадцать лет, за это время дон Саллес основательно постарел, утратил поджарую фигуру и растолстел. Тем не менее этот шестидесятилетний мужчина привлекал многих женщин: власть и огромные деньги делали свое дело. А я...

Я боюсь его до дрожи в коленях, ненавижу – еще сильнее и мечтаю отомстить. Хотя как-нибудь, хоть когда-нибудь увидеть его смерть. Дожить до нее... если повезет.

– Себастьян, прикажи накрыть обед здесь, я проголодался, – распорядился дон, отвернувшись от меня к сыну, замершему в кресле у окна.

Да-да, сыну. В тот роковой день моего первого оборота, когда выяснилось, что я не племянница дона Луки, моя жизнь и его изменились. Хозяину больше незачем было думать о моих чувствах, будущем, обучении, приобщении к вере, приличных манерах юной сеньориты – будущей матери, жены и наследницы. С того момента меня начали использовать по «прямому назначению», как выразился несостоявшийся дядюшка. Я стала проклинаемым «своими» и чужими исчадием темных сил, благодаря которому он за эти годы «невероятным» образом упрочил свое положение, расширил сферу деятельности и влияния, приобрел репутацию страшного и видящего всех насквозь человека – Кровавого Дона – могущественного и смертельно опасного!

Благодаря моим способностям и своим возможностям, первым делом дон Лука нашел убийц семьи брата, узнал и судьбу маленькой бедняжки Паолы. Оказалось, ее убили в тот же день, что и родителей. Дон жестоко наказал всех виновных в этом преступлении. Со временем он подмял под себя ближайших соседей и теперь огромный регион полностью подчиняется дону Луке Рамушу де Саллесу. В доме, где есть деньги, должен быть только один кассир, вот и он стал здешним королем, точнее – серым кардиналом, который вершит судьбы, абсолютно неподсуден и имеет длинные руки.

Ко мне, его «племяннице», следовавшей за ним тенью, быстро привыкли. Сначала тоненькая бледная девочка-подросток вызывала у деловых партнеров, подручных и наемников недоумение – местные женщины традиционно не у дел, вне политики. Вопрос: «Зачем здесь это забитое дитя?» отчетливо возникал на их лицах, но не слетал с языка. Со временем меня начали бояться и ненавидеть даже больше, чем дон Саллеса, ведь именно моя сжатая рука на его плече даровала кому-то жизнь или лишала ее.

Сначала деловые партнеры, а теперь и жители поместья и окружающих земель, даже наемники на службе у донна – все сторонятся меня, проклинают в спину. Мало кто знает о суровой и неприглядной действительности – дрессировке, которой меня подверг «дядюшка», добиваясь той самой «рефлекторности» реакций на ложь. Когда за попытку скрыть правду меня и мою волчицу ломали до кровавых пузырей. Ломали физически и морально, уничтожая чувства, насаждая покорность и смирение.

Спасение своего разума я нашла в сказках, которые сама же и сочиняла десятками, отстраняясь от кошмаров и ужасов реальности. В любой тяжелой ситуации мысленно пряталась в воображаемой сказке – там, где побеждает добро, любовь и справедливость, где можно встретить единорогов и пегасов, где живут принцессы, где в самый страшный момент на помощь приходит Он – предназначенный мне судьбой Волк. Ведь в детстве родители часто говорили, что у каждого вера есть пара, которая одна и навсегда. И я верила: где-то есть и моя, надо только дожидаться, Он придет и спасет. Я ждала и верила! Вопреки...

Последние годы я жила затворницей; из своих покоев выходила только в сопровождении Мартинеса на ежевечерние прогулки в сад и в кабинет к дону Луке или в поездку с ним по делам. За десять лет «дядя» смирился с моей двупостасной сущностью, даже выгуливал мою волчицу на поводке в саду, теща свое эго и наслаждаясь вседозволенностью. Еще бы, дрессированный оборотень, где это видано!

Отношение ко мне менялось с ростом власти и влияния Кровавого Дона. Ценил меня как основу своего благосостояния. Поэтому по-хозяйски, как весьма важную и ценную вещь, берег. В моих покоях красиво и уютно; одежда – по последнему слову моды, ведь я числюсь его племянницей; кормят всем, что душе угодно, я привыкла к изысканной и вкусной кухне.

В качестве развлечений, чтобы «вещь не перегорела», мне позволено смотреть сериалы, читать книги и покупать их в неограниченных количествах на личное усмотрение. С учетом того, сколько всего я узнавала на деловых встречах и переговорах хозяина, какие знания и спе-

цифическую информацию получала, угрозы от книг для его влияния на меня он не видел. Дон в курсе моего пристрастия, по его же словам, к сказкам с картинками. При покупках поверх научной и учебной литературы всегда лежали фантазийные и фантастические истории, вызывавшие у него снисходительные усмешки. Зато мое самообразование оставалось маленьким секретом. Может, и не оставалось, но никого не настораживало.

Три мои отчаянные и провальные попытки побега тоже каждый раз меняли его отношение ко мне. Иногда мне казалось, что душа истаивает в плену, без природы, без доброты и заботы, без общения. Без веры в чудеса и хорошее. Поэтому я раз за разом долго готовилась, усыпляла бдительность тюремщиков, собирала силы, информацию, ловила удобный момент и – умирая от страха, сбегала.

Первый побег удался в семнадцать лет. Ровно три дня в джунглях я будто летала, голова кружилась от свободы, счастья и запахов леса. Я попала там, где погибла моя семья и стая, а ведь догадывалась, что рискую, но не справилась с навязчивым, непобедимым желанием попрощаться и еще раз увидеть родной дом. Даже если это уже давно поглощенные джунглями сгоревшие остовы. Там меня и поймали.

Второй раз случился пять лет назад. Сеньор Саллес совершенно случайно выяснил, что у него есть бастард. «Ошибка молодости» пришлась весьма кстати и оказалась выгодным долгосрочным вложением. И пусть двадцативосьмилетний Себастьян, сын прислуги и дона, не отличался умом и сообразительностью, был не образован и бесхарактерен, но для «разведения» внуков подходил идеально. Поразительно, но неистово веровавший и одновременно ненавидевшей мою инаковость дон Лука неожиданно решил: его внуки достойны вечной жизни и недоступных человеку суперспособностей веров, поэтому, если скрестить сына с оборотнем, великий дон получит самого лучшего преемника. Мои отчаянные попытки донести до него, что это в принципе невозможно, ведь мы разные виды, а потомство рождается только у истинной или идеально подходящей пары, – не удалась. В итоге я чуть не изувечила Себастьяна, когда он пришел ко мне «скрещиваться», а затем сбежала.

Даже когда меня поймали, я билась за свою женскую честь как сумасшедшая. Мало того что стала свидетельницей убийства стаи и родных людьми, меня еще и нещадно били. Я категорически не переносила любых прикосновений. Ни о каком сексе и желании к особям противоположного пола речи быть не могло. Я их в страшном сне не видела. Даже о прекрасном принце из сказки, моем личном Волке, который когда-нибудь придет и спасет, мечтала чисто платонически. Дальше «и понес ее на руках в счастливое будущее» мои мечты и желания не продвигались.

Убивать меня за яростное сопротивление и обещание загрызть любого «скрещивателя» не стали, тем более я пригрозила лишиться себя жизни. Выгода от оборотня, чувствующего ложь, перевесила грандиозные мечты дона Луки. Сына он быстро женил на юной сеньорите из хорошего небогатого рода и уже даже несказанно радовался внуку и будущему преемнику – Луке младшему. Буквально носил его на руках и всячески баловал. Меня же готовился передать по «наследству». Я обязана служить семье Саллес вечность.

В корне изменила ко мне отношение семьи Саллес моя выходка год назад, которую сложно назвать попыткой побега, а вот попыткой мести за родных – да. Тогда к дону привели ничем не примечательного, небритого и зловещего вида мужчину. Сперва я подумала, это обычный наемник, который за деньги сделает что угодно, или мелкий торгаш оружием или наркотой. Но в ходе разговора до меня неожиданно дошло, что он не тот, за кого себя выдает. Именно это решил проверить и Кровавый Дон, напрямую задав ему вопрос: является ли он законником под прикрытием и на кого работает? Вот тогда я ценой невероятных усилий сдержала вбитые в меня рефлексy, потому что была готова, ждала и дождалась. Мужчина напряженно сверлил меня цепким взглядом, казалось, уже даже просчитывал, как выбираться из провала, но я, глядя прямо ему в глаза, даже не дернулась, не сжала плечо дона Саллеса.

Заставила его поверить в ложь законника и тем самым подставила Кровавого Дона. Отдала в лапы правосудия...

Радовалась недолго, через неделю устроенная законниками заварушка и осада прекратились, а меня проучили так, что я эту неделю провалялась в подвале, сращивая кости. Большая месть обернулась для дона лишь досадными неприятностями.

С того времени в качестве наказания и заодно для устрашения других меня держат на цепи, которую крепят замком к кольцу, вбитому в стену позади хозяйского кресла в кабинете. Не каждый сразу замечал, что «племянница» прикована к стене, но для пущего эффекта «дядюшка» изредка дергал за цепь или наматывал ее на кулак. Даже самые стойкие или упертые предатели, лжецы и представители закона под прикрытием, пару раз такие снова попадались, ломались, увидев меня на цепи. Просто осознавали, какой зверь сидит перед ними, что даже «родную кровь» не пожалел, и делали выводы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.